

ОДИН ДОМ.
ДВЕ ПОЛОВИНЫ.
ОДНА ИСТОРИЯ.

НАМ ЭТО *уже снилось*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДАРИ ЛАРИН

18+

Дари Ларин

Нам это уже снилось

<https://litres.ru/74598078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я знаю о Елисее всё. Знаю, почему он сбежал из Барнаула четыре года назад. Знаю, что он пьет кофе без сахара и терпеть не может просить о помощи. Всю мою жизнь нас разделял только старый деревянный забор между нашими половинами дома. Он был мне как брат.

Но когда Елисей внезапно возвращается, всё летит кувырком. Долги его отца могут оставить обе наши семьи на улице. Ввязываясь в эту проблему вместе с ним, я вдруг начинаю замечать то, чего не видела двадцать три года. Как он смотрит на меня. Каким стал его голос.

Мой привычный мир рушится. А по ночам меня преследует один и тот же необъяснимый сон, секрет которого я не могу доверить даже ему. Я еще не знаю, что скрывает Елисей, но понимаю одно: мы подошли к черте, за которой наша старая дружба сторит дотла. Что останется на ее пепелище?

Содержание

Глава 1. Калитка	5
Глава 2. Цена побега.	15
Глава 3. Сбой в матрице.	21
Глава 4. Точка невозврата.	30
Глава 5. Общий долг.	36
Глава 6. Иллюзия близости.	45
Глава 7. За приоткрытой дверью.	52
Глава 8. Смещение фокуса.	58
Глава 9. Запретная территория.	63
Глава 10. Опасная дистанция.	68
Глава 11. Светские хроники барнаульского розлива.	72
Глава 12. Шаг за черту	77
Глава 13. Отрезвление	80
Глава 14. Искры в темноте	85
Глава 15. Запретная вода	88
Глава 16. Утреннее похмелье реальности	93
Глава 17. Операция «Конспирация» и кружевные страхи	97
Глава 18. Сплетни и изумрудный шелк	100
Глава 19. Изумрудный шелк и рыцарские тормоза	104
Глава 20. Ледяной звонок	110

Глава 21. Мальчик из коридора	115
Глава 22. Утро нового дня	118
Глава 23. Недетские вопросы	121
Глава 24. Возвращение отца и тяжелый разговор	125
Глава 25. Переменчивый ветер	130
Глава 26. Огненный шторм и школьный портфель	134
Глава 27. Тихий вечер и семейные баталии	139
Глава 28. «Оконченный» вечер	142
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Дари Ларин

Нам это уже снилось

Глава 1. Калитка

ЕСЕНИЯ

В Барнауле утро начинается не с будильника. По крайней мере, у нас, в частном секторе. Сначала где-то за забором начинает лаять собака. Потом сосед, которому обязательно нужно в семь утра завести свою развалюху, греет её минут десять. Потом хлопает чья-то калитка, и с улицы доносится голос женщины, которая уже с кем-то ругается по телефону. И только после этого город окончательно вспоминает, что пора просыпаться.

Я привыкла ко всему этому. К скрипу старой калитки. К яблоне, которая каждую весну каким-то чудом продолжает цвести, хотя папа уже лет пять грозит её спилить. К деревянному забору, который делит наш огромный, построенный ещё дедами дом на две половины.

А ещё я привыкла к тому, что в другой половине уже четыре года слишком тихо.

Когда нам с Елисеем было по семь лет, нам до смерти надоело обходить дом по улице, чтобы попасть друг к другу

во двор. Мы стащили у моего отца молоток с гвоздодёром и просто выломали две доски во внутреннем заборе. Родители орали так, что слышала вся улица. Но доски так и не заколотили, а мой папа, сдавшись, приладил туда петли и щеколду. Так появилась наша калитка. Главный портал моего детства.

Этим утром я проснулась от шума проезжающей за окном маршрутки. Вылезла из-под одеяла, натянула футболку и, потянувшись, машинально выглянула в окно. Взгляд скользнул по соседскому двору. Пусто. Краска на его оконных рамах облупилась, крыльцо выглядело заброшенным. Дядя Витя, отец Елисея, возвращался поздно, уходил рано, и их половина дома казалась почти нежилой.

Сам Елисей свалил в Новосибирск сразу после колледжа. В девятнадцать лет. Заявил, что хочет нормальной жизни, нормальных денег и самостоятельности. Я тогда проводила его до автовокзала, вернулась домой и по дурацкой привычке дёрнула щеколду на калитке, забыв, что на той стороне меня больше никто не ждёт. Четыре года. Он, конечно, звонил, приезжал на праздники, но с каждым годом всё реже. У него там своя компания, автобизнес, квартира, Милана. Жизнь просто пошла по разным орбитам.

Я заправила кровать, зашла на кухню и поставила чайник. Мой телефон лежал на столе экраном вниз. Я перевернула его. Три сообщения от клиенток. Одно от мамы. И одно от Елисея.

Я моргнула. Открыла чат.

Елисей: *Я приехал.*

Я нахмурилась. Пальцы быстро застучали по экрану.

Есения: *Куда?*

Ответ пришёл почти сразу.

Елисей: *Домой.*

Три точки на экране появились и исчезли. Потом снова появились.

Есения: *Ты сейчас где?*

Елисей: *В Барнауле.*

Я несколько секунд тупо смотрела на экран, будто буквы могли поменяться местами.

Есения: *Ты издеваешься?*

Елисей: *Ты на работе?*

Есения: *Собираюсь.*

Елисей: *Тогда не отвлекайся. Вечером зайдёшь?*

Я выдохнула. Четыре года в Новосибирске, а привычки остались прежними. Заявиться без предупреждения — это в его стиле.

Есения: *Я тебя ненавижу. Зайду.*

Я бросила телефон в сумку, допила кофе одним глотком и крикнула вглубь дома: — Мам, пап, я убежала! У меня была полная запись в салоне, и думать о том, какого чёрта мой ненормальный друг детства свалился как снег на голову в понедельник утром, времени не было.

ЕЛИСЕЙ

Я заглушил мотор, но из машины не вышел. Несколько минут просто сидел, положив руки на руль, и смотрел на дом. Он ничуть не изменился. Всё тот же потемневший от времени брус, всё тот же шифер, всё те же два крыльца. Одно — ухоженное, заставленное цветами тёти Светы в горшках. Второе — моё. Пыльное, с покосившейся нижней ступенькой.

Я достал с заднего сиденья дорожную сумку, вышел из машины и толкнул калитку на свою половину. Двор встретил меня тишиной. Я сделал несколько шагов по заросшей дорожке и остановился. Взгляд сам собой метнулся влево. К забору, разделяющему наш двор с двором Есении. Наша калитка была на месте. Старая деревянная щеколда проржавела, зелёная краска выцвела окончательно.

Я подошёл ближе и положил ладонь на шершавое дерево. Двадцать три года. Из них последние четыре я отчаянно пытался убедить себя, что это место больше не имеет надо мной власти.

Я закрыл глаза, и мне на секунду снова стало десять. Тот вечер я помнил до мелочей. За окном ливень. Я лежу в кровати, натянув одеяло до подбородка, и слушаю. Общая стена нашего большого дома была толстой, но крики пробивались сквозь неё. Отец снова проиграл. Мать кричала, что так больше не может. Отец огрызался. А я смотрел в потолок, до боли сжимая кулаки, и думал только об одном: *«Я отсюда уйду. Я сам буду зарабатывать. Я никогда ни от кого*

не буду зависеть». Утром в коридоре стояла мамина сумка. Она надевала куртку. Я вышел из комнаты и спросил: — Ты куда? Она даже не посмотрела мне в глаза. — Мне нужно ненадолго уехать, Елисей. Я скоро. Больше она не вернулась.

Именно тогда я усвоил главное правило в жизни: слова ничего не значат. Значат только действия. И деньги, которые ты заработал сам, чтобы никогда не оказаться в положении человека, который стоит с сумкой в коридоре и врёт собственному сыну.

Я убрал руку от забора. Поднялся на своё крыльцо. Ключ повернулся в замке со знакомым скрежетом. Внутри пахло пылью, застоявшимся воздухом и дешёвым табаком. Отца дома не было.

Бросив сумку в коридоре, я достал телефон, написал Есении, что приехал, и пошёл на кухню. Открыл окно, чтобы выветрить этот запах. На столе стояла немытая кружка, лежала пара смятых чеков и какой-то белый конверт. Я ответил на гневное сообщение Есении, сунул телефон в карман и взял конверт. На нём не было ни марок, ни адреса. Только имя отца, написанное синей ручкой. Конверт даже не заклеили.

Я вытащил сложенный вдвое лист формата А4. Развернул. Усмешка медленно сползла с моего лица.

Это был не банковский документ. Расписка, копия договора займа и уведомление от каких-то мутных кредиторов. Я вчитался в цифры. Ноль. Ещё ноль. Ещё нули. Сумма была такой, что у меня на секунду перехватило дыхание. Это было

больше, чем мы с партнёром подняли на нашем автосервисе в Новосибирске за два года. Гораздо больше.

Но страшнее была последняя строчка. В качестве залога значилась *доля в праве собственности на недвижимое имущество*. Мой отец заложил свою половину дома. Срок возврата истекал через месяц.

Я медленно опустился на стул. Лист бумаги в руках слегка дрожал. Они заберут дом. Не просто долю отца. Этот дом нельзя разделить физически, не разрушив конструкцию. И если наша половина отойдёт кредиторам, жизнь семьи Есенин за стеной превратится в ад. Их заставят продать свою часть за бесценок, или поделят таких соседей, что они сбегут сами.

Я сжал челюсть так, что заныли зубы. Я вернулся, потому что неделю назад отец позвонил мне пьяный и сказал, что «немного запутался». *Немного*. Я швырнул документы на стол. Встал, подошёл к окну и упёрся руками в подоконник. Я так отчаянно пытался сбежать отсюда. Я всё делал правильно: работал сутками, копил, открыл дело, нашёл Милану, снял хорошую квартиру. Выстроил вокруг себя стену из стабильности. А он просто взял и разрушил её одним росчерком ручки.

Я посмотрел через стекло на наш общий деревянный забор. На маленькую самодельную калитку. Я не могу просто развернуться и уехать. Не из-за него. Из-за тех, кто живёт за этим забором.

ЕСЕНИЯ

Вечером мой Барнаул остывал от суеты. Я шла по своей улице, чувствуя, как гудят ноги после девяти часов работы. В голове всё ещё крутились формулы окрашивания, но всё это отступало на второй план. Елисей вернулся.

Я открыла свои ворота. Из дома вкусно пахло жареной картошкой и чесноком. — Я дома! — крикнула я, скидывая куртку. — Елисей приехал, — тут же отозвалась мама, выглянув из кухни. — Знаю. Он мне писал. — Ты зайдешь к нему? — Угу. Переоденусь только.

Стянув рабочую одежду, я вошла в любимые домашние джинсы и растянутую серую толстовку. Вышла во двор. Осенний воздух приятно холодил щёки. Я подошла к нашему забору. Деревянная щеколда поддалась с привычным скрипом. Я толкнула калитку и шагнула на чужую половину. Здесь было темно. У Елисея над входом давно перегорела лампочка, и дядя Витя так её и не вкрутил.

Поднявшись на покосившееся крыльцо, я не стала стучать — просто дёрнула ручку. Дверь поддалась. — Есть кто живой? — крикнула я в тёмный коридор. Из кухни вышел Елисей. В тёмной футболке, домашних штанах, босой.

Я замерла. Он изменился. По телефону это было не так заметно. А сейчас, стоя передо мной в узком коридоре, он казался шире в плечах, выше и как-то... твёрже. Лицо потеряло подростковую мягкость, скулы стали резче. Но глаза

были те же. Умные, насмешливые, слишком внимательные.

— Привет, Лиса, — сказал он. — Привет, Лис, — выдохнула я.

Лис и Лиса. Мы придумали эти прозвища ещё в глубоком детстве, потому что оба были рыжеватыми, хитрыми и наши имена начинались на одну букву. Ему разрешалось называть так меня, а мне — его. Если кто-то другой пытался назвать его Лисом, он мог и в челюсть дать. Это было только наше.

Мы смотрели друг на друга секунду, а потом он шагнул вперёд и сгрёб меня в охапку. Обнял крепко, по-медвежьи, отрывая от пола. Я рассмеялась, обхватив его за шею. От него пахло дорогой туалетной водой, лёгким запахом машинного масла и чем-то неуловимо знакомым. Из самого детства. — Поставь на место, придурок! — возмутилась я сквозь смех. Он аккуратно поставил меня на пол. — Всё такая же мелкая, — констатировал он, оглядывая меня сверху вниз. — А ты всё такой же хам. — Я скучал. — Я тоже.

Я ткнула его кулаком в плечо. — Нормальные люди предупреждают заранее. — Я нормальный. Просто спонтанный. — Ага. Спонтанно пропал на четыре года, спонтанно вернулся. Милана с тобой? Он на секунду отвёл взгляд. — Нет. Она в Новосибе. — Понятно. Надолго ты к нам? — Не знаю, — ровным тоном ответил он. — Посмотрим.

Я прищурилась. Я слишком хорошо знала этот тон. Он всегда говорил так, когда что-то скрывал. В детстве он точно так же отвечал «не знаю», когда разбил отцовскую фару. Но

допрашивать я не стала. Успеется. — Ладно. Мама велела без тебя не возвращаться. Пошли. Ужинать будешь. — Я у себя поем. — Лис, ты в своём холодильнике мышь повесившуюся найдёшь, а не еду. Пошли, кому говорят.

ЕЛИСЕЙ

Мы прошли через калитку на её половину. Стоило нам зайти в их дом, как всё вокруг словно потеплело. Свет здесь был ярче, запахи — вкуснее. — Елисей! — тётя Света выбежала в коридор, на ходу вытирая руки о фартук. — Здравствуйте, тёть Свет. Она обняла меня так, словно я был её собственным сыном, вернувшимся с войны. — Господи, Елисей, какой ты худой! Одни скулы торчат. Есения закатила глаза. — Мам, у него нормальные скулы. Просто он питается святым духом и амбициями. — Я нормально ем, — попытался защититься я. — Где? В ресторанах своих новосибирских? — не унималась тётя Света. — Садись давай. Дядя Боря сейчас выйдет.

Мы сели за стол. Я машинально занял своё старое место у окна. Есения села напротив. Она смотрела, как я беру кусок хлеба, как здороваюсь с её отцом, как отшучиваюсь от гиперопеки тёти Светы. Всё было так естественно, словно этих четырёх лет не существовало.

— Папка-то твой где? — спросил дядя Боря, наливая мне чай. Я чуть заметно напрягся, стараясь не выдать себя. — Не знаю, дядь Борь. Ещё не пришёл. — Понятно, — тяжело

вздохнул он. В этом вздохе было слишком много невысказанного. Все всё понимали про моего отца. — Ну, ты кушай, кушай, — быстро перевела тему тётя Света. — Рассказывай, как там твой автосервис?

Я включился в разговор. Рассказывал про город, про работу, поддевал Есению, которая пыталась вставить свои едкие комментарии. Мы смеялись, звенели посудой. Тепло этой кухни буквально обволакивало.

Но внутри у меня всё стягивалось в тугую, холодный узел. *Они не знают*, — билась в голове мысль. Родители Есении сидели в своём доме, пили чай и даже не подозревали, что стена, к которой прислонён их холодильник, уже фактически принадлежит чужим людям. Что этот дом, их спокойная жизнь и даже наша с Лисой калитка — всё это висит на волоске из-за моего отца.

Я посмотрел на Есению. На её растрёпанный хвост, на то, как она щурится, когда смеётся над моей шуткой. Я уехал в девятнадцать, чтобы никогда не зависеть от чужих ошибок. А в двадцать три вернулся, чтобы понять: иногда чужие ошибки привязывают тебя к месту сильнее всего на свете. Я не уеду обратно через неделю. Теперь я знал это точно. Потому что, если этот дом рухнет, он рухнет прямо на неё. А этого я позволить не мог.

Глава 2. Цена побега.

Елисей

Я почти не спал. Старый диван в моей детской комнате казался коротким, пружины впивались в ребра, а в голове непрекращающейся каруселью крутились нули из того конверта на кухне.

В семь утра я услышал, как хлопнула входная дверь. Отец вернулся.

Я встал, натянул джинсы и вышел в коридор. Он разувался, тяжело опираясь рукой о стену. Плечи опущены, куртка расстегнута, под глазами — темные, болезненные мешки. Ему было чуть за сорок, но сейчас он выглядел на все шестьдесят.

Он поднял глаза. Увидел меня. Замер. В его взгляде не было злости или вызова. Только бесконечная, липкая усталость и стыд, который он попытался скрыть за кривой усмешкой.

— Приехал всё-таки, — хрипло сказал он. — Как видишь. Я развернулся и пошел на кухню. Он тяжело пошагал за мной. Отец сел за стол, потер лицо ладонями. Я молча поставил перед ним стакан воды. Затем взял со столешницы тот самый белый конверт и бросил его на середину стола. Бумага скользнула по клеенке с тихим шелестом, который в утренней тишине показался оглушительным.

Отец посмотрел на конверт, но не притронулся к нему. —

Значит, видел. — Видел, — ровно ответил я. Сел напротив и сцепил пальцы в замок. — Ты ничего не хочешь мне объяснить?

Он отвернулся к окну. За стеклом светало, начинался мелкий осенний дождь. — А что тут объяснять, Елисей... — Объяснять тут есть что. Например, сумму.

Отец обхватил стакан обеими руками. Пальцы у него слегка дрожали. Не было никакого злодея из дешевых сериалов. Передо мной сидел просто сломленный мужик, который когда-то учил меня чинить велосипед, а теперь не мог смотреть мне в глаза.

— Я думал, что отыграюсь, — тихо произнес он. Классическая фраза. Мантра каждого зависимого. — Сначала был небольшой минус. Решил перекрыть. Взял займ. Потом... потом всё как в тумане. У них там свои схемы, проценты каплют каждый день. Я пытался перезанять, чтобы закрыть первый долг, но влез еще глубже. — И ты заложил свою долю дома. Он вздрогнул, словно я ударил его. — Они сами предложили. Сказали, просто формальность. Обычный залог для отсрочки.

Я нервно усмехнулся и потер переносицу. — Формальность. Пап, ты в своем уме? Это мутные конторы, которые работают на грани закона. Они забирают недвижимость за копейки. Ты понимаешь, что через месяц сюда придут люди с документами на выселение? Отец молчал, глядя в стакан. — Ты понимаешь, — мой голос стал жестче, — что стена, на

которую ты сейчас смотришь, общая с дядей Борей и тётей Светой? Если ты отдашь эту половину, новые хозяева выживут их отсюда за полгода. Они устроят им ад.

Отец закрыл лицо руками. — Я знаю, сын. Я всё знаю. Я не хотел. Это «не хотел» резануло по нервам, как ножом. — Я разберусь, — сказал я, поднимаясь.

Я развернулся и ушел в свою комнату. Достал телефон и открыл банковское приложение. На счетах были деньги — моя доля из нашего с партнером небольшого бизнеса в Новосибирске. Я планировал расширяться, думал об ипотеке. Я сопоставил свои цифры с теми, что были в расписке отца.

Внутри всё похолодело. Этого не хватит. Даже если я выгребу все счета до копейки, я не закрою и половины. Я мысленно прикинул стоимость своей машины. Моя любимая «Тойота», в которую я вложил кучу сил и времени. Если продать ее срочно, немного ниже рынка... Я сложил цифры в уме. Всё равно остается огромная дыра. Проценты накрутили долг до небес. Я опустился на край кровати, чувствуя, как наваливается тяжесть. Машину придется продать. Сбережения обнулить. И всё равно мне нужны деньги. Срочно. Много денег.

Я посмотрел в окно. Дождь усилился. На соседнем крыльце никого не было — Есения давно ушла в свой салон. Я должен найти в Барнауле работу. И прямо сейчас поехать к Артуру, владельцу крупного СТО на окраине, с которым мы пересекались пару лет назад. У меня руки растут из нужно-

го места, мне нужен бокс, нужен процент и клиенты. Желательно, круглосуточно.

Около семи вечера я вернулся домой. Машина Лисы еще не приехала. Я переоделся в чистое, вышел на крыльцо и закурил, глядя на нашу деревянную калитку в заборе. В голове гудело от цифр и прикидок.

Через полчаса скрипнули соседние ворота. Есения. Я потушил сигарету и подошел к забору. Она вышла во двор в своей любимой огромной серой толстовке. Уставшая, волосы собраны в небрежный узел. Увидев меня, она сразу направилась к калитке.

Щеколда щелкнула. Есения шагнула на мою половину и тяжело прислонилась спиной к забору, запрокинув голову. — Убей меня, Лис, — выдохнула она. — Не могу. Твоя мама меня потом вкусно не накормит, — я встал рядом, привалившись плечом к доскам. — Что случилось? Клиентки выпили всю кровь? — Если бы. Она прикрыла глаза. — Егор? — безошибочно угадал я.

Лиса поморщилась и кивнула. Мы знали о личной жизни друг друга всё. По крайней мере, я знал, что она встречается с этим парнем уже полгода. Егор работал в каком-то банке, носил белые кроссовки даже в дождь и казался мне слишком... глянцевым для нее.

— Опять капает на мозги? — спросил я, разглядывая её профиль. В сумерках она казалась особенно хрупкой. — Да. Снова завел эту шарманку: «Давай съедемся, я снял класс-

ную квартиру ближе к центру, мы уже взрослые люди», — передразнила она его голос. — А ты?

Есения открыла глаза и посмотрела на свой дом. На светящееся окно кухни. — А я не хочу, Лис. Вот не хочу и всё. Я ему говорю: «Подожди, давай не торопить события». А он бесится.

Она замолчала, обхватив себя руками. Я знал её с пеленок. И я прекрасно понимал, почему Егор бесится. Шесть месяцев — приличный срок. Понятно, что они спят вместе, тут я иллюзий не питал — Лисе двадцать три, она красивая, взрослая девушка. Но одно дело — встречаться и ночевать друг у друга, а другое — отдать человеку свой быт, свой дом и свою свободу. Именно здесь она выстроила глухую стену. Она могла отдавать ему свое время, но на свою территорию не пускала.

— А чего ты боишься, Лиса? — тихо спросил я. Она резко повернула голову. В её зеленых глазах мелькнула паника. — Я не боюсь! Просто... ну зачем всё усложнять? У нас всё нормально. Мы встречаемся, гуляем. Зачем этот быт? — Нормально — это когда люди хотят засыпать и просыпаться вместе каждый день, — ляпнул я и тут же пожалел об этом.

Она не договорила. Закусила губу, поняв, что сказала слишком много. Я смотрел в её глаза и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Она была девчонкой, с которой мы ломали этот забор. Девушкой, которая в восемнадцать лет вдруг стала сниться мне в белом платье. И женщиной,

которая могла делить постель с этим глянцевым Егором, но подсознательно наглухо закрыла от него свое сердце, потому что оно навсегда приколочено гвоздями к этому месту. Ко мне.

Глава 3. Сбой в матрице.

Есения

Сон обрушился на меня, как всегда, без предупреждения.

Никакой логики, никакой предыстории. Просто вспышка. Запах нагретого на солнце дерева. Ощущение тяжелой, гладкой ткани на моих ногах — что-то белое, похожее на платье. И рука. Большая, теплая мужская ладонь, которая крепко, но очень бережно сжимает мои пальцы. На моем безымянном пальце блестит обручальное кольцо. Я поднимаю голову, и жених улыбается мне. Это он. Лис. Мой лучший друг, который сейчас смотрит на меня совсем не как друг, и уж точно не как брат. В его взгляде столько нежности и собственнического, мужского тепла, что внутри меня разливается концентрированное, абсолютное счастье. Становится трудно дышать. Елисей тихо смеется. Звук низкий, до боли знакомый, родной...

Я резко распахнула глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Дыхание сбилось, лоб покрылся легкой испариной.

Я села на кровати и с силой потерла лицо ладонями. — Какой же бред, — прошептала я в пустоту темной комнаты.

Я потянулась к тумбочке и нажала на экран телефона. 03:14. Ночь со среды на четверг. Абсолютно обычная, случайная ночь.

Этот сон преследовал меня уже пять лет, с моих восем-

надцати. Он никогда не снился регулярно. Мог пропасть на полгода, а мог заявиться два раза за неделю. Выходить замуж за друга детства? За парня, с которым мы в семь лет выламывали доски в заборе и кидались друг в друга яблоками? Это было настолько неправильно, настолько абсурдно, что я ни разу никому об этом не обмолвилась.

А уж тем более ему. Мысль о том, что Лис узнает, что он периодически снится мне в роли моего мужа, заставляла меня стогать от стыда. Он бы просто поднял меня на смех. Или, что еще хуже, начал бы меня избегать.

Обычно я списывала этот сюрреализм на сбой в матрице своего мозга. А сегодня подсознание, видимо, решило подкинуть мне этот бред из-за того, что Лис вернулся. Отреагировало на стресс. Логично? Логично.

Я отбросила одеяло, спустила ноги на прохладный пол и пошла на кухню выпить воды. Не включая свет, я налила полный стакан из кувшина и подошла к окну.

Дождь давно закончился, над Барнаулом висело тяжелое, затянутое тучами небо. Наш двор тонул в темноте, только фонарь с улицы едва освещал мокрый деревянный забор, разделяющий наши участки.

Я сделала глоток. И в эту же секунду по ту сторону стены, разделяющей наши кухни, глухо скрипнула половица.

Я замерла со стаканом у губ. 03:17. А затем на мокрые доски нашего забора во дворе лег длинный, четкий квадрат желтого света. Елисей включил свет на своей половине до-

ма, окно которой находилось всего в нескольких метрах от моего.

Мы не могли видеть друг друга. Наши окна смотрели в одну сторону — во двор. Но между нами была только толстая стена из старого бруса. Я стояла в темноте, затаив дыхание, и почти физически ощущала, как он стоит там, совсем рядом. Со скрипом приоткрылась соседняя форточка. До меня донесся тихий, сиплый звук — Лис тяжело выдохнул ночной воздух, пытаясь отдышаться, словно только что пробежал кросс.

Он тоже не спал. «Наверное, бессонница на новом месте», — подумала я, стараясь успокоить колотящееся сердце. Если бы я только знала, что прямо сейчас, за этой самой стеной, он пытался прийти в себя после того же самого «бредового» сна, от которого проснулся ровно в 03:14. Но я не знала. Я просто допила воду, задернула штору и пошла спать.

Утро началось с настойчивого звонка в дверь. Я еще досушивала волосы феном в ванной, когда услышала мамин голос, а затем — уверенный баритон. Егор.

Я выключила фен, глубоко вдохнула и вышла в коридор. Егор стоял у вешалки в своем идеальном бежевом тренче. Мы встречались полгода, и иногда мне казалось, что он сошел со страницы каталога «Успешная жизнь для чайников».

— Привет, — он шагнул ко мне и жадно поцеловал. Поцелуй был уверенным, собственническим, но внутри у меня ничего не дрогнуло. Я машинально подставила губы, чув-

ствуя вкус горького эспresso. — Привет. Ты рано. — Решил подвезти тебя до салона. Сюрприз.

Мы сели в его машину. Но вместо того, чтобы вырुлить на асфальтированную дорогу в сторону центра, Егор вдруг свернул вглубь частного сектора. Туда, где начинался заброшенный пустырь, скрытый за зарослями старых кленов. — Егор, мне на работу... — начала я, но он уже заглушил мотор.

Он вышел из машины, обошел капот и распахнул мою дверь. Его глаза потемнели. Не говоря ни слова, он потянул меня на себя, заставив выйти, и сразу же прижал спиной к прохладному металлу капота. — Егор... — выдохнула я. — Я соскучился, — хрипло перебил он, впиваясь в мои губы.

Его руки уверенно скользнули под мою куртку, сминая ткань толстовки. В физическом плане у нас всё работало идеально — мое тело отзывалось на его прикосновения почти инстинктивно. Он прекрасно знал, что делает. Его горячие пальцы скользнули ниже, забираясь под пояс моих джинсов. Я судорожно выдохнула, откидывая голову назад.

Мы были на улице, почти у всех на виду, хотя пустырь и был безлюдным, и этот адреналин смешивался с нарастающим жаром. Его губы обжигали мою шею, а опытные, настойчивые пальцы уверенно и глубоко ласкали меня, доводя до дрожи. Я вцепилась в его плечи, чувствуя, как внутри натягивается струна. Еще несколько долгих, сводящих с ума движений — и меня накрыло ослепительной, горячей вол-

ной. Я застонала, кусая губы, чтобы не закричать, и безвольно привалилась к капоту, пытаясь отдышаться.

Егор тяжело дышал, нависая надо мной. Его глаза лихорадочно блестели. Я знала, как сильно он меня хочет. Я провела рукой по его груди и спустилась ниже. Он был напряжен до предела, твердый, как камень, жаждущий своей очереди. Я почувствовала легкий укол вины: он довел меня до пика, а сам остался ни с чем. Я скользнула рукой по его ремню, поглаживая его через ткань брюк. Он судорожно выдохнул сквозь зубы. Я чуть отстранилась и подалась вниз, готовая расстегнуть пряжку и отплатить ему тем же...

— Есения... — хрипло выдохнул он, зарываясь пальцами в мои волосы. — Я вчера смотрел ту квартиру на Красноармейском. Давай сегодня внесем залог.

Мои пальцы на его ремне замерли. Как ушат ледяной воды на голову. Романтика, страсть, желание — всё это испарилось в одну секунду, разбившись о его слова.

Я медленно выпрямилась. Одернула толстовку. Егор моргнул, словно выныривая из транса, и непонимающе посмотрел на мои опущенные руки. — Что такое? — Ничего, — я поежилась, внезапно почувствовав утренний холод, и запахнула куртку. — Просто ты умеешь выбрать момент.

— Есения, ну мы же обсуждали это... — он попытался снова обнять меня, но я уперлась руками в его грудь, сохраняя дистанцию. — Мы обсуждаем это второй месяц, Егор! — Вот именно! — он тоже вспылил, разочарование от пре-

рванной ласки моментально переросло в раздражение. Он отступил от меня на шаг, тяжело дыша. — Послушай. Нам по двадцать три. Мы вместе полгода. Я хочу засыпать и просыпаться с тобой. Я хочу нормальных отношений!

Под «нормальными отношениями» он имел в виду не только совместный быт. Я прекрасно это понимала. И то, что я только что снова его остановила, сводило его с ума. Я была девственницей. В двадцать три года. Но дело было не в строгих принципах. Просто каждый раз, когда дело доходило до главного, до полного слияния — внутри меня всё каменело. Мне нравилось получать от него удовольствие, но пустить его *полностью* в себя, довериться до конца... Я не могла. Мой организм кричал: «*Не он*».

— Я не готова переехать, — тихо, но твердо сказала я, глядя ему в глаза. — Мне хорошо дома. — Твоя семья в соседней комнате, а между ними и тобой картонная стена! — сорвался он, взмахнув руками. — Есения, ты прячешься в этом своем частном секторе, как в бункере. Чего ты боишься?

Я обошла его и открыла пассажирскую дверь машины. — Отвези меня на работу, Егор. Я опаздываю. Он ударил кулаком по крыше машины, грязно выругался сквозь зубы, но сел за руль. Всю дорогу до салона мы молчали. Я знала, что он сейчас злится до зубовного скрежета — возбужденный, неудовлетворенный и отвергнутый. Я знала, что держать его на коротком поводке — нечестно. Но мысль о том, чтобы

уехать из своего двора и делить с ним кровать, по-прежнему вызывала у меня приступ глухой паники.

Вечером я возвращалась домой пешком. Голова гудела после сложного окрашивания и болтовни клиенток. Я свернула на свою улицу и еще издалека увидела черную тонированную «Тойоту», припаркованную прямо напротив ворот Елисея.

Я замедлила шаг. Рядом с машиной стояли двое. Один, в кожаной куртке, курил, облокотившись на капот. Второй, высокий и лысый, стоял у самой калитки Лиса. А напротив них, на крыльце, стоял Елисей.

Я не слышала, о чем они говорили, но поза Лиса кричала об опасности. Он стоял, широко расставив ноги, засунув руки в карманы джинсов, но весь подобрался, как пружина, готовая в любую секунду выстрелить. Лысый что-то сказал, ткнув пальцем в сторону нашего общего дома. Елисей сделал плавный шаг вниз по ступеням. Он произнес всего пару слов. Лысый скривился, сплюнул под ноги и кивнул второму.

Они сели в машину. «Тойота» медленно тронулась с места и проехала мимо меня, обдав запахом выхлопных газов.

Я подошла к своим воротам. Елисей всё еще стоял на крыльце, глядя вслед уехавшей машине. — Это еще кто такие? — громко спросила я, толкая нашу внутреннюю калитку в заборе и шагая на его территорию.

Он резко повернул голову. На секунду в его глазах мелькнуло что-то по-звериному дикое, но он тут же моргнул, и

взгляд стал прежним — лениво-насмешливым. — Клиенты, — коротко ответил он. — С каких пор клиенты автосервиса выглядят так, будто приехали выбивать долги из девяностых? — я прищурилась, подходя ближе.

Лис спустился с крыльца и оперся предплечьями на верхнюю перекладину забора, разделяющего наши дворы. — У них специфический вкус на машины и на жизнь, Лиса. Не бери в голову. Как прошел день? Как там твой глянцевого принца?

Он виртуозно переводил тему. Всегда так делал, когда не хотел отвечать. — Мы поссорились, — вздохнула я, забывая про странных мужиков. Опираясь на Лиса в своих проблемах было слишком привычно. Я привалилась спиной к забору с другой стороны. — Он нашел квартиру. Снова требует, чтобы я переезжала.

Я спиной чувствовала, как Елисей повернул голову в мою сторону. — А ты? — А я отказалась. Снова.

Он долго молчал. В сгущающихся сумерках было тихо. — Знаешь, — вдруг низко произнес он, — если бы я любил девушку, и она не хотела бы ко мне переезжать, я бы просто купил дом по соседству с ней. А не заставлял ее ломать себя.

От его слов, от этого бархатного тембра голоса, у меня по спине вдруг пробежала горячая волна мурашек. Точно такая же, как во сне этой ночью, когда его рука касалась моей. Ужас и вина затопили меня с головой. Мой мозг снова подкинул мне образы Лиса в роли моего жениха.

Я сглотнула, внезапно испугавшись того, как сильно мне хочется обернуться и посмотреть ему в глаза. И того, что его слова прозвучали гораздо интимнее, чем всё, что Егор говорил мне за полгода.

— Ты... ты вообще не романтик, Лис, — нервно рассмеялась я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе, и поспешно отступила на шаг от забора. — Пойду ужинать. — Иди, Лиса. Иди, — эхом отозвался он.

Я развернулась и почти бегом пошла в дом. Я не знала, кто были эти люди на черной машине. Я не знала, почему у Елисея был такой тяжелый, темный взгляд. И уж точно я не хотела признаваться себе, почему моё тело так предательски реагирует на его голос. Я знала только одно: что-то огромное и необратимое уже надвигалось на наш дом, а мы почему-то упорно делали вид, что ничего не происходит.

Глава 4. Точка невозврата.

ЕЛИСЕЙ

Свою «Тойоту» я продал в четверг утром. Отдал перекупу на десять процентов ниже рынка, лишь бы получить наличные на руки прямо у капота. Я собирал эту машину по винтику, вложил в нее кучу времени, нервов и денег, но, когда подписывал договор купли-продажи, внутри ничего не дрогнуло. Железо есть железо.

Я закинул деньги на счет, добавил всё, что выгреб со своих вкладов в Новосибирске, и перевел кредиторам отца. А потом посмотрел на остаток долга на экране телефона и стиснул зубы.

Этого было мало. Проценты, которые накрутили эти ублюдки за последние месяцы, сожрали приличную часть моей суммы. Долг всё еще висел надо мной гигантской черной тучей. Чтобы закрыть его полностью до конца месяца и снять обременение с нашей половины дома, мне нужно было найти еще триста тысяч. Для Барнаула и для короткого срока — деньги огромные. Мне оставалось либо надеяться на чудо, либо работать так, чтобы забыть, как меня зовут.

Чудес я не ждал лет с десяти. Поэтому выбрал второе.

Артур, владелец крупного СТО на выезде из города, отдал мне крайний бокс. Мы были знакомы по старым делам, он знал, что руки у меня растут откуда надо, и вопросов лиш-

них не задавал. — Условия стандартные, — сказал он, бросая мне ключи от шкафчика. — Работаешь на себя, мне процент за место и оборудование. Клиентов накину, если будешь успевать. — Буду, — коротко ответил я.

Я нырнул в работу с головой. Брал всё: от банальной замены колодок до переборки движков. Мазут въелся в кожу, спина к вечеру превращалась в один сплошной кусок ноющего бетона, но это было именно то, что мне нужно. Физическая усталость отлично глушила мысли. Она не давала мне думать о трехстах тысячах в долговых бумагах. И она не давала мне думать о том, почему в три часа ночи я просыпаюсь в холодном поту от того, что мне снится Есения в свадебном платье, а её губы на моих кажутся реальнее всего, что было в моей жизни.

В пятницу вечером я выгнал из бокса очередную отремонтированную «Мазду», вытер руки промасленной ветошью и вышел на улицу перекурить. Дождь лил как из ведра. Я стоял под козырьком, вдыхая запах мокрого асфальта и дешевого табака.

Телефон в кармане комбеза завибрировал. Я достал его, ожидая звонка от клиента, но на экране высветилось: «Макс (Новосиб)». Макс был моим хорошим другом. Мы вместе снимали гараж, когда я только приехал в Новосибирск.

— Здравова, Елисей, — голос у Макса был непривычно напряженным. Без обычных шуточек. — Привет. Что стряслось? Голос такой, будто ты труп в лесу закапываешь. В труб-

ке повисла тяжелая пауза. На заднем фоне играла какая-то музыка, Макс явно был на улице.

— Слушай, брат... Я не знаю, как такие вещи говорить, — наконец выдавил он. — Короче, лучше я, чем кто-то другой. Ты только дров не наломай. Я затянулся сигаретой. Внутри всё было спокойно. Я уже знал, что услышу не про бизнес. — Говори, как есть, Макс.

— Я вчера в «Неоне» был. Ну, клуб наш в центре. Денис там тоже тусовался. И Милана твоя. Я молча выпустил дым. Денис был из нашей общей компании. Не то чтобы друг, скорее приятель, с которым пили пиво по выходным. — И? — ровно спросил я. — Они сначала у барной стойки терлись, потом в випку пошли. В отдельную комнату. Ну, я минут через двадцать сунулся туда, думал, сидят бухают, хотел зажигалку стрелкнуть. Дверь не закрыта была... Макс снова замялся. — Макс, не тани, — вздохнул я.

— Короче, Елисей, блядь... Я захожу, а она Денису отсасывает. Прямо на диване. Он меня увидел, глаза вытаращил. Я дверь сразу захлопнул и свалил. Он замолчал, явно ожидая, что я начну орать, бить стены или угрожать убийством.

А я стоял под козырьком барнаульского СТО, смотрел в серую лужу и чувствовал... ничего. Ни боли. Ни ревности. Ни обиды. Только глухое раздражение от того, что мне вообще приходится тратить на это время, и странное, почти кристальное чувство облегчения. Словно гнилую нитку, которая еще связывала меня с прошлой жизнью, только что оконча-

тельно перерезали.

Я не любил Милану. Никогда не любил. Я сошелся с ней полгода назад, потому что она была удобной, красивой и не лезла в душу. Зато в постели она была невероятно раскрепощенной, без всяких тормозов и комплексов. Буду откровенен с самим собой: именно своими умелыми минетами она меня к себе тогда и привязала. Мне просто хотелось создать в чужом городе свой островок иллюзорной стабильности, где всё горячо и приятно. Но, как говорится, чем привязала — тем и отвязала. И то, что сейчас произошло, было лишь закономерным итогом.

— Понял тебя, — спокойно сказал я. — Елисей? — Макс явно опешил. — Ты в порядке? Ты там не это... не вздумай срываться сюда и морду ему бить, из-за бабы еще под статью пойдешь! — Макс, выдыхай, — я усмехнулся. — Никому я морду бить не поеду. Денис мне не брат, а Милана мне не жена. Спасибо, что сказал. С меня коньяк, когда свидимся.

Я сбросил вызов, не дожидаясь его ответа. Выкинул окурок в лужу. Нашел в контактах номер Миланы и нажал кнопку вызова. Она ответила после третьего гудка. — Да? Елисей? Привет! — её голос звучал бодро, чуть удивленно и с идеальной ноткой обиды, которую включают девушки, когда парень долго не звонил. — Привет. Я ненадолго. Звоню сказать, что за вещами не приеду. Всё, что в квартире — можешь оставить себе. Что не нужно — выкинь на помойку.

На том конце повисла звенящая тишина. — В смысле? —

её голос дрогнул, фальшивая бодрость испарилась. — Ты о чем вообще? Ты не вернешься? — Не вернусь, — ровно подтвердил я. — И будь осторожнее по клубам. Денис парень, конечно, веселый, но мало ли что.

Я услышал, как она резко втянула воздух. — Елисей... это... это не то, что ты думаешь! — затараторила она, и в трубке послышались панические всхлипы. — Я была пьяная! Я ничего не понимала! Он сам ко мне пристал, клянусь! Пожалуйста, выслушай... — Милан, тормози, — холодно перебил я. — Мне плевать, пьяная ты была или трезвая. Я всё знаю. Не позорься и не придумывай оправдания. Просто расходимся.

Её всхлипы резко оборвались. Секунда — и паника сменилась яростью. Типичная защитная реакция. — Ах так?! Тебе плевать?! — взвизгнула она в трубку. — Да это ты во всем виноват! Ты бросил меня! Свалил в свой Барнаул спасать папашу-неудачника! Обещал, что на неделю, а сам торчишь там непонятно сколько! Оставил меня одну! Я живая, вообще-то, мне нужно внимание!

Я слушал эту истерику, прислонившись затылком к холодной кирпичной стене СТО. Никакой злости. Просто медицинский факт: как хорошо, что я узнал это сейчас, а не через пару лет.

— Я уехал решать проблемы, Милана, — так же спокойно и ехидно произнес я, когда она выдохлась. — И если за пару недель без моего внимания тебе понадобится отсосать

моему приятелю в подсобке дешевого клуба, то нам с тобой точно не по пути.

— Пошел ты, Елисей! Да ты вообще никого любить не умеешь! Ты ледяной ублюдок! — заорала она.

Я нажал кнопку отбоя. Убрал телефон в карман. Тишина после её криков казалась оглушительной. Дождь монотонно барабанил по лужам. *Ледяной ублюдок.* Я криво улыбнулся. Если бы она знала, как этот «ледяной ублюдок» горит каждую ночь от одного только запаха яблочного шампуня, который остается в воздухе, когда Лиса отходит от нашего забора.

Я вернулся в бокс. Новосибирск был вычеркнут окончательно. Машина продана. Мосты сожжены. У меня не осталось ни пути к отступлению, ни желания отступить.

Я взял гаечный ключ и полез под очередную машину. До конца месяца оставалось чуть больше трех недель, и мне нужно было где-то достать эти триста тысяч.

Глава 5. Общий долг.

ЕСЕНИЯ

Октябрь в Барнауле не умеет быть мягким. Он наступает резко, срывая желтые листья холодным ветром и заставляя кутаться в объемные свитера.

Был мой законный выходной. Я сидела на кухне в теплых вязаных носках, пила горячий чай и смотрела в окно. Ветер гнул ветки нашей старой яблони, по крыше барабанил мелкий, колючий дождь. Лиса не было видно со вчерашнего дня — его половина дома стояла темной, а на месте, где он обычно парковал свою любимую «Тойоту», зияла пустая лужа.

Папа возился в коридоре с каким-то инструментом, мама пекла пирожки с капустой. Пахло уютом, домом и спокойствием.

А потом в нашу калитку — не внутреннюю, а ту, что выходила на улицу, — тяжело и нагло забарабанили. Не постукали, а именно застучали так, словно собирались вынести ее с петель.

— Кого там несет в такую погоду? — проворчал папа, откладывая отвертку и накидывая куртку. Я нахмурилась. Интуиция неприятно кольнула где-то под ребрами. Я поставила кружку, набросила свой длинный серый кардиган и вышла на крыльцо следом за отцом.

Папа открыл калитку. На улице стояли двое. Я узнала их

мгновенно. Черная тонированная машина у обочины, кожаная куртка и высокий лысый мужик. Те самые, с которыми Лис пару дней назад разговаривал у своего крыльца.

— Борис Николаевич? — лысый осклабился, глядя на моего отца. Папа нахмурился, загораживая собой проход. — Допустим. А вы кто такие?

— Да мы так, будущие соседи, — мужик сунул руки в карманы и по-хозяйски заглянул через папино плечо в наш двор. — Присматриваемся к недвижимости. Домик-то у вас на два хозяина, верно? Общая стеночка. Фундамент один.

Внутри у меня всё похолодело, но следом за страхом мгновенно вспыхнула ярость. Октябрьский ветер забрался под кардиган, но мне стало жарко.

— Чего надо? — грубо спросил папа, сжимая кулаки. Ему было за пятьдесят, но он всю жизнь проработал на заводе, и кулаки у него были пудовые. — Да мы просто предупредить по-соседски, — хмыкнул второй, в кожанке. — Сосед ваш, Виктор, долю свою нам заложил. И сроки горят. Так что через месяцок мы тут будем ремонт делать. Стенку, может, сносить начнем. Шумно будет, грязно. Вы бы подумали о переезде, Борис Николаевич. За бесценку вашу половину заберем, так и быть, чтобы вам не мучиться.

Папа побледнел, а потом сделал шаг вперед, явно намереваясь спустить этих двоих с лестницы.

— Пап, стой! — я выскочила из-за его спины, протиснулась вперед и встала прямо перед лысым. Мужик смерил ме-

ня сальным, насмешливым взглядом. — О, какие люди.

Я схватила тяжелую металлическую лопату для снега, которая с прошлой зимы стояла прислоненной к забору, и с размаху ударила черенком по деревянной створке ворот. Звук получился хлестким, как выстрел. Мужики инстинктивно отшатнулись.

— Значит так, — мой голос звенел от злости, я смотрела прямо в глаза лысому, не моргая. — Это частная собственность. И если вы еще раз подойдете к этой калитке ближе, чем на два метра, я вам эту лопату об хребет сломаю. А потом вызову полицию за угрозы и вымогательство. У нас тут, в частном секторе, камеры на каждом столбе. Пошли вон отсюда.

Лысый перестал улыбаться. — Борзая какая. Ты бы за языком следила, девочка. — А ты бы за ногами следил, пока целые, — я перехватила черенок поудобнее. Сибирская кровь и двадцать три года жизни на этой улице давали о себе знать. — Я сказала — пошли вон!

Мужик в кожанке сплюнул на асфальт и дернул лысого за рукав. — Пошли. Смысла нет. Лысый развернулся к машине, но напоследок бросил через плечо: — Ты своему хахалю, Елисею, передай. Мы его «Тойоту» засчитали, так уж и быть. Но триста косарей до конца месяца всё равно висят. Не принесет — мы вернемся. И лопата не поможет.

Они сели в машину и с визгом покрышек рванули по мокрому асфальту.

Я осталась стоять у открытой калитки. Лопата со звоном выпала из моих ослабевших пальцев. Папа тяжело дышал позади меня. — Есения... это что сейчас было? Витя что... дом заложил?

Я не ответила. Слова лысого бились в голове пульсом. *Его «Тойоту» мы засчитали. Триста косарей.*

Елисей продал машину. Свою любимую машину, которую собирал своими руками, которую полировал каждые выходные и в которой катал меня по ночному городу. Он продал её, чтобы закрыть долг отца. И этого не хватило. Триста тысяч. Огромные, неподъемные для автомеханика за три недели деньги.

И он молчал. Ни слова мне не сказал. Делал вид, что всё под контролем. *«Никто тебя из твоего дома не выгонит. Я не позволю».*

У меня защипало в глазах. — Пап, иди в дом. «Я сейчас», — хрипло сказала я, закрыла засов на уличной калитке и побежала в свою комнату.

Я рухнула на кровать и достала телефон. Открыла банковское приложение. *Накопительный счет: 320 000 рублей.*

Я копила эти деньги три года. Откладывала с каждой зарплаты, брала дополнительные смены в салоне, отказывала себе в шмотках и поездках. Это была моя мечта. Я хотела арендовать небольшое помещение в центре, купить кресла, зеркала, профессиональные мойки. Открыть свою маленькую студию. Это был мой билет в независимость.

Я смотрела на цифры на экране. А потом перевела взгляд на окно. На нашу калитку в заборе.

Если они заберут дом, моя семья окажется в аду. Мои родители лишатся места, которое строили всю жизнь. А Лис... Лис надорвется на этом своем СТО. Какого черта мне сдавалась эта парикмахерская, если я не смогу вечером выйти во двор и постучать в соседнее окно? Чего стоит моя мечта, если человек, который снится мне по ночам в строгом костюме жениха, останется один на один с этой грязью?

Ответ был очевиден. Для меня вообще не существовало выбора.

Я быстро оделась, натянула джинсы и теплую куртку. Схватила паспорт. — Мам, я в банк! — крикнула я в коридор. — Куда?! Выходной же! Погода дрянь! — донеслось из кухни. Но я уже хлопнула дверь.

До вечера я места себе не находила. Пачка наличных, туго стянутая резинкой, лежала в кармане моей куртки, оттягивая ткань. Я не стала переводить их на карту, знала, что Лис может просто отправить их обратно. Наличку вернуть сложнее.

Около восьми часов вечера я услышала, как скрипнула его уличная калитка. Машины не было, он пришел пешком. Я выскочила во двор.

Дождь кончился, но ветер пробирал до костей. Я толкнула нашу внутреннюю калитку и вошла на его территорию. Лис сидел на ступеньках своего крыльца. В грязном рабочем

комбинеzone, с черными от мазута руками. Он даже не переделся, просто курил, глядя в одну точку. Выглядел он так, словно по нему проехался каток. Под глазами залегли темные тени, скулы заострились еще сильнее.

Услышав скрип дерева, он поднял голову. Увидел меня. И попытался натянуть на лицо ту самую фирменную, насмешливую ухмылку. — Привет, Лиса. Чего без шапки? Простынешь.

У меня задрожал подбородок. Я подошла к нему вплотную. Он сидел на ступеньке, и наши лица оказались почти на одном уровне. — Почему ты мне не сказал? — тихо спросила я.

Он затанулся, выпустил дым в сторону. — О чем? — Не делай из меня идиотку, Елисей. Сегодня к папе приходили твои... клиенты.

Лис замер. Сигарета в его пальцах дрогнула. Ухмылка слетела с его лица, как сорванная маска, оставив только чистую, первобытную ярость. Он медленно поднялся. — Они приходили к вам? Что они сказали? Они тронули дядю Борю?! — Никого они не тронули. Я прогнала их лопатой, — я шмыгнула носом, пытаюсь сдержать злые слезы. — Они сказали, что ты продал машину. И что долг всё еще триста тысяч.

Лис отвернулся и глухо выругался в темноту. — Я убью их, — процедил он сквозь зубы. — Я же сказал им не лезть к вам. Я всё закрою... — Когда?! Когда ты закроешь, Лис?! — я не выдержала и ударила его кулаками в грудь. — Ты

пашешь сутками! Ты продал свою машину! Ты решил тут умереть на этом СТО из-за своего отца?! Почему ты всегда всё тащишь один?!

Он перехватил мои запястья своими большими, шершавыми руками. Мазут испачкал рукава моей куртки, но мне было плевать. — Потому что это мое дерьмо, Есения! — впервые за долгое время он сорвался на крик, его глаза горели в полумраке. — Мой отец, мои долги! Я не позволю, чтобы из-за моей фамилии ваша семья лишилась дома!

— Это и наш дом тоже! — крикнула я в ответ, глядя прямо в его почерневшие от усталости и злости глаза. — И ты — наш!

Мы стояли так близко, что наши дыхания смешивались. Его грудь тяжело вздымалась. Он сжимал мои запястья так крепко, словно боялся, что, если отпустит, я исчезну.

Я вырвала руки. Залезла в карман куртки, достала толстую пачку пятидесяти тысяч купюр и с силой впечатала их ему в грудь. Елисей инстинктивно подхватил деньги, чтобы они не упали в грязь. Он опустил глаза. Посмотрел на пачку. Потом на меня.

— Это что? — его голос вдруг сел. — Триста двадцать тысяч, — отчеканила я, стирая тыльной стороной ладони злые слезы со щек. — Иди завтра и закрой этот чертов долг.

Лис побледнел. В тусклом свете фонаря было видно, как напряглись желваки на его лице. — Лиса... нет. — Да. — Это твои деньги на салон. «Ты три года их собирала», — он

протянул пачку обратно. Его рука чуть заметно дрожала. — Я не возьму. Забери.

— Нет! — я отступила на шаг. — Послушай меня, Елисей. Ты можешь строить из себя гордого одинокого волка сколько угодно. Но если эти убудки заберут наш дом, мне не нужен будет никакой салон! Мне не нужны эти деньги, если ты здесь сдохнешь от работы! Мы отдадим этот долг вместе.

Он стоял с деньгами в руках, и я видела, как в нем ломается что-то огромное, глухое и непробиваемое, что он выстраивал вокруг себя с десяти лет. Правило «ни от кого не зависеть» трещало по швам.

— Есения... — хрипло выдохнул он. Шагнул ко мне. — Я верну. Слышишь? До копейки. — Знаю, — я снова шмыгнула носом, пытаюсь унять дрожь в голосе. — А пока можешь считать, что я купила у тебя абонемент на починку моей старенькой развалюшки на сто лет вперед.

Он не улыбнулся. Он просто уронил деньги куда-то на ступеньку, сделал еще один шаг и прижал меня к себе. Так крепко, что у меня хрустнули ребра. Я уткнулась носом в его грязный комбинезон, вдыхая запах бензина, дождя и сигарет. Он зарылся лицом в мои волосы, тяжело и прерывисто дыша.

Мы стояли в темноте октябрьского вечера, посреди старого двора. И в этот момент, в его отчаянных, почти судорожных объятиях было столько интимности и голой, незащитной искренности, сколько не было ни в одном самом страстном прикосновении Егора.

Я закрыла глаза, чувствуя, как бьется его сердце под моей щекой. Мой салон исчез. Мои накопления испарились. Но почему-то я никогда в жизни не чувствовала себя такой богатой, как сейчас.

Глава 6. Иллюзия близости.

ЕСЕНИЯ

Егор ждал меня после работы. Его белая иномарка стояла у входа в салон. Когда я вышла на крыльцо, кутаясь в осеннюю куртку, он вышел из машины с огромным букетом красных роз. Выглядел он виноватым, идеальным и... абсолютно чужим.

— Привет, — он протянул мне цветы. — Есения, прости меня за вчерашнее. Я был идиотом. Вспылил, наговорил лишнего. Поехали ко мне? Я заказал ужин. Давай просто спокойно поговорим.

Я смотрела на эти идеальные розы и чувствовала глухую усталость. Последние сутки вымотали меня до предела: угрозы кредиторов, продажа машины Лиса, отданные деньги. У меня не было сил на новые конфликты. — Хорошо, — тихо согласилась я, садясь в машину.

Квартира Егора на Красноармейском была похожа на номер в дорогом отеле: минимализм, идеальная чистота, панорамные окна с видом на огни вечернего Барнаула. Мы даже не успели дойти до кухни.

Едва закрылась входная дверь, Егор прижал меня к стене. Букет полетел куда-то на тумбочку. Его поцелуй был жадным, отчаянным, полным извинений и нерастраченного со вчерашнего дня желания. В этот раз он не собирался оста-

навливаться на полумерах. Он подхватил меня на руки и понес в спальню.

Мы рухнули на широкую кровать. Егор действовал быстро и решительно. Он стянул с меня куртку, затем свитер, нетерпеливо расправился с застёжкой джинсов. Через минуту я осталась абсолютно обнаженной на темных шелковых простынях. Мое тело откликнулось привычно и безотказно. Физическая химия между нами всегда работала как часы.

Его губы жадно спустились ниже, обжигая шею, ключицы. Он накрыл ладонями мою грудь, сминая её, а пальцы собственнически сжали и чувствительно потянули затвердевшие соски. Я судорожно выдохнула, запрокидывая голову.

Он опустился на колени у края кровати, раздвигая мои бедра. Жар его губ и влажные, дразнящие движения языка заставили меня выгнуться дугой. Он виртуозно ласкал меня, теребя клитор языком, чередуя мягкие касания с жестким, сводящим с ума давлением.

— Какая же ты сладкая... — хрипло прошептал он, на секунду отрываясь от меня. Его глаза лихорадочно блестели в полумраке. — Такая узкая. Ты ждешь меня, Есения. Я так хочу нырнуть в тебя... до самого конца.

Его пальцы скользнули ниже, пытаясь проникнуть на запретную территорию, раздвинуть те границы, которые я всегда глухо обороняла. Мое тело мгновенно напряглось. Бетонный блок внутри рухнул на место. *«Нет. Только не он».*

Я перехватила его запястье, тяжело дыша. — Нет, Егор, — выдохнула я, с трудом фокусируя взгляд. — Не нужно. Давай оставим всё... на безопасном уровне. Только так.

Он глухо, раздраженно зарычал, утыкаясь лбом в мои бедра, но спорить не стал. Его собственное возбуждение было на пределе, он был натянут как струна. Не прерывая горячих ласк языком, доводящих меня до дрожи, и продолжая болезненно-сладко щипать мои соски, он расстегнул свой ремень, освобождая твердый, пульсирующий член.

Я видела сквозь полуприкрытые веки, как его рука обхватила собственную плоть. Он начал быстро и жестко удовлетворять себя, отчаянно ища разрядки, пока его рот продолжал терзать меня. И в этот момент я поймала себя на ужа-сающей мысли: *я ничего к нему не чувствую*. У меня не возникало ни малейшего желания видеть или чувствовать его член рядом со своим телом, не говоря уже о том, чтобы пустить его в себя. Я хотела только одного — кончить, чтобы это невыносимое физическое напряжение наконец лопнуло и всё закончилось.

Я протянула руку вниз. Накрыла его пальцы своими, перехватывая инициативу. Я плотно обхватила его горячий член, задавая уверенный, скользящий ритм, просто чтобы помочь ему поскорее закончить. Он застонал, его движения стали рваными. И в этот момент меня самую накрыло ослепительной волной. Я вскрикнула, впиваясь ногтями в подушку, а Егор глухо выдохнул сквозь зубы, содрогаясь в мощной раз-

рядке в моей руке.

Он без сил рухнул рядом со мной, тяжело дыша. В спальне повисла тишина, нарушаемая только нашим прерывистым дыханием. Физически всё было идеально. Мы оба получили потрясающую разрядку, адреналин всё еще гулял по крови.

Но почему мне так хотелось плакать? Где было то самое чувство абсолютного счастья и защищенности из моего сна? Почему, лежа полностью обнаженной в постели с парнем, который только что довел меня до двойного оргазма, я чувствовала себя такой бесконечно одинокой и грязной?

Егор повернул ко мне голову. На его губах играла самодовольная, ленивая улыбка. — Это было... потрясающе, — выдохнул он, убирая прилипшую прядь с моего лба. — Видишь, Есения? Нам так хорошо вместе. Мы идеально подходим друг другу.

Я натянула на себя край одеяла, внезапно почувствовав ледяной холод. — Да. Физически, — тихо ответила я.

Улыбка медленно сползла с его лица. — Что это значит? — Это значит, Егор, что кроме постели у нас ничего нет, — я села, подтягивая к себе разбросанную одежду. — Тебе не интересно, как прошел мой день. Тебе не интересно, почему у меня глаза на мокром месте. Ты привез меня сюда, чтобы доказать, что мы отличная пара, потому что мы умеем доводить друг друга до оргазма.

— А разве этого мало?! — он резко сел, его голос сорвался, раздражение вспыхнуло с новой силой. — Я не давлю на

тебя с главным, я терплю твои загоны! Я делаю всё, чтобы тебе было хорошо! Что тебе еще нужно?! Чтобы я переехал в этот твой деревянный сарай с удобствами во дворе?! Есения, очнись! Я предлагаю тебе нормальную жизнь в центре, а ты цепляешься за свои трущобы!

Эти слова ударили наотмашь. *Трущобы. Сарай. Мой дом.* Место, за которое Лис готов был умереть, место, где мои родители пекли пироги. — Мой дом — не трущобы, — мой голос зазвенел от ледяной злости. Я быстро натянула джинсы и свитер. — И мне не нужна твоя «нормальная» жизнь.

— Есения, прекрати истерику! — Егор схватил меня за запястье. — Мы только что... всё же было отлично! Почему ты всё портишь?! — Потому что я ничего к тебе не чувствую, Егор! — выкрикнула я, вырывая руку. — Кроме физики — ничего! Я не хочу с тобой жить. Не хочу здесь просыпаться. И больше не хочу делать вид, что у нас есть будущее.

Я схватила куртку и выбежала в коридор. — Есения! — рявкнул он мне вслед, но я уже захлопнула за собой тяжелую входную дверь.

Я спустилась на лифте и выскочила на осеннюю улицу. Ветер ударил в лицо, выбивая слезы. Меня трясло то ли от холода, то ли от адреналина после ссоры. Всё было кончено. Мы поругались вдребезги. Окончательно.

Я вызвала такси. Всю дорогу до своего района я смотрела в окно, чувствуя себя опустошенной. Иллюзия близости рассеялась, оставив после себя только горький привкус разо-

чарования.

Такси остановилось у начала моей улицы. Я дошла до своих ворот и толкнула калитку. Наш двор был залит желтым светом фонаря. И первое, что я увидела — разобранный на домкрате мой старенький красный «Ниссан».

Из-под машины торчали длинные ноги в грязном, рабочем комбинезоне. Лис. У него был единственный выходной. Он только утром отдал бандитам деньги, которые я ему всучила, закрыл этот страшный долг. Он должен был спать убитым сном. А он лежал на холодном асфальте под моей развалюхой, меняя мне колодки.

Я замерла посреди двора. Контраст был настолько чудовищным, что у меня перехватило дыхание. Идеальная чистота квартиры Егора, пустые разговоры о будущем и механический секс, после которого хочется отмыться. И грязный двор, запах мазута, старый забор и парень, который молча чинит мне тормоза просто потому, что я могу разбиться.

Лис, видимо, слышал мои шаги. Он выкатился из-под машины, вытирая черные руки промасленной тряпкой. Увидел меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, по растрепанным волосам, по покрасневшим глазам и припухшим губам.

Он всё понял. Понял, откуда я приехала и что там было. Его челюсть сжалась так, что побелели скулы, но он не произнес ни слова упрёка.

— Привет, Лиса, — его голос был хриплым и низким. Он бросил тряпку на капот и кивнул на колесо. — Тормоза я

тебе сделал. Стойки еще поживут. Как прошел день?

Я смотрела на мазутные пятна на его лице, на его усталые, такие родные черные глаза, и чувствовала, как внутри рушится последняя стена. — Мой день был дерьмовым, Лис, — прошептала я, и слезы всё-таки брызнули из глаз. Я сделала шаг к нему, уткнулась носом в его грязное плечо и заплакала.

Он замер всего на секунду, а потом его огромные, тяжелые руки обвили меня, прижимая к себе с такой силой, словно он пытался спрятать меня от всего мира. От Егора, от кредиторов, от моих собственных ошибок. Он пах бензином, холодом и табаком. И я поняла, что больше нигде и никогда я не захочу быть. Только здесь.

Глава 7. За приоткрытой дверью.

ЕСЕНИЯ

Я не знаю, сколько мы простояли вот так, посреди холодного октябрьского двора. Его объятия были надежнее бетонных стен. Я плакала, уткнувшись в его грязное, пахнущее машинным маслом плечо, и с каждой пролитой слезой чувствовала, как из меня выходит вся та фальшь, в которой я жила последние полгода.

Наконец, Лис мягко отстранил меня, заглянув в глаза. — Иди домой, Лиса. Скидывай куртку и под горячий душ, пока не заболела, — его голос был хриплым, но спокойным. — А потом приходи ко мне. Я заварю чай. Я шмыгнула носом и кивнула.

Моя половина дома встретила меня тишиной. Родители уже спали — папе завтра нужно было рано вставать на смену. Я скинула испачканную мазутом куртку в коридоре, разулась и прошмыгнула в ванную.

Я включила воду почти на максимум, чтобы она обжигала кожу. Стоя под упругими струями, я яростно терла себя мочалкой, словно пыталась смыть не только сегодняшний холод, но и прикосновения Егора. Квартира на Красноармейском, смятые шелковые простыни, мои стоны — всё это казалось теперь каким-то дурным, грязным сном.

Я выключила воду. Старая советская вытяжка под потол-

ком монотонно и громко гудела, забирая клубы пара. Я не стала сразу вытираться. Просто подошла к раковине и провела ладонью по запотевшему зеркалу, стирая влагу.

На меня смотрела девушка с растрепанными, мокрыми волосами и покрасневшими глазами. В ванной было зябко. По моей обнаженной коже скатывались капли воды, прочерчивая дорожки по ключицам, ложбинке между грудей и изгибам бедер. От прохладного воздуха и влаги моя грудь отозвалась мгновенно: чувствительные соски затвердели, превратившись в тугие, темные бутоны.

Я смотрела на свое отражение, на свое обнаженное, вздрагивающее от озноба тело, и чувствовала глухую злость на саму себя. Как я могла позволить Егору так далеко зайти? Как могла спать с ним, стонать под его руками, позволяя ему трогать себя вот так, интимно и откровенно, если внутри было абсолютно пусто? Мое тело просто реагировало на механические ласки, как настроенный инструмент, но мое сердце оставалось ледяным. Я просто обманывала себя, пытаюсь сыграть в «нормальные взрослые отношения», в то время как душа отчаянно рвалась обратно. В этот дом. К человеку за стеной.

Я опустила голову, тяжело опершись руками о края раковины, и закрыла глаза. Гудящая вытяжка заглушала все звуки в доме.

ЕЛИСЕЙ

Обычное туалетное мыло мазут не брало. Я стоял над ра-

ковиной в своей ванной и зло тер руки щеткой, но черная въевшаяся грязь не сходила, только размазывалась по косяшкам. Мне нужна была специальная абразивная паста. Та самая, которую дядя Боря приносил с завода и всегда держал у себя под раковиной.

Я накинул чистую футболку и прямо в трениках вышел во двор. В окнах соседей горел только свет в коридоре и в ванной. Входная дверь была не заперта — в нашем частном секторе это было нормой. Я тихо шагнул в прихожую. Из спальни доносился мерный храп дяди Бори.

Я на цыпочках прошел по коридору к ванной. Дверь была приоткрыта на пару ладоней — видимо, Лиса не стала закрывать её до щелчка из-за сломанной защелки, или чтобы выпустить пар. Внутри громко, как трактор, гудела старая вытяжка. Шум воды уже стих.

Я поднял руку, чтобы легонько постучать и спросить разрешения зайти за пастой, но... замер. Сквозь приоткрытую щель мне было идеально видно большое зеркало над раковиной.

А в зеркале была она. Абсолютно обнаженная.

Моя рука так и зависла в воздухе. Сердце пропустило удар, а затем сорвалось в такой бешеный галоп, что застучало в ушах. Я не мог отвести взгляд. Я словно прирос к полу.

Есения стояла спиной к двери, опираясь руками о раковину, но зеркало безжалостно, в мельчайших деталях отражало её фигуру. Влажная, раскрасневшаяся после горячей

воды кожа. Тонкая талия. Идеальная, высокая грудь, тяжело вздымающаяся от дыхания. Её соски от прохлады в ванной затвердели, дерзко торчали вперед, и от этого зрелища у меня перехватило дыхание, а кровь мгновенно отлила от головы вниз. Низ живота скрутило таким тугим, болезненным узлом желания, что я непроизвольно сжал кулаки до хруста.

Капля воды сорвалась с её мокрых волос, скатилась по изгибу шеи, прочертила дорожку по груди и повисла на затвердевшем соске. Блядь.

Я должен был отвернуться. Должен был тихо уйти. Но я смотрел на нее, как изголодавшийся зверь, и не мог заставить себя сделать ни шагу. Это была Лиса. Моя Лиса, с которой мы ломали заборы. Но сейчас передо мной стояла роскошная, желанная женщина. Та самая, которая снилась мне ночами в белом платье, сводя меня с ума. И она была невероятной.

Она вдруг открыла глаза и посмотрела на свое отражение. На её лице не было расслабленности. Только какая-то глубокая, горькая грусть. Я знал, о чем она думает. Она думала об этом глянцевом ублюдке Егоре. О том, что он делал с этим идеальным телом. Ревность, горячая и едкая, как кислота, плеснула мне прямо в мозг.

Мои пальцы легли на край двери. Одно движение — и я войду. Шагну к ней, прижму её мокрую, обнаженную спину к своей груди, зароюсь лицом во влажные волосы и просто возьму то, что принадлежит мне по праву. Заставлю её за-

быть обо всех ублюдках на свете. Я так отчаянно хотел коснуться губами её шеи, сжать в ладонях эту тяжелую грудь, почувствовать, как эти затвердевшие соски трутся о мои ладони...

Мое дыхание стало тяжелым и прерывистым. Вытяжка гудела, скрывая мое присутствие, но я понимал, что еще секунда — и я сорвусь.

Я зажмурился. Стиснул зубы так, что заболели челюсти. *Не сейчас. Только не так.* Она разбита. Ей нужен друг, а не изголодавшийся мужик, который набросится на нее прямо в родительской ванной.

Сделав над собой титаническое усилие, я отпустил дверь. Бесшумно, как тень, отступил назад по коридору. Вышел на крыльцо и прикрыл за собой входную дверь.

Октябрьский ветер ударил в лицо, но он не мог остудить тот пожар, который полыхал у меня внутри. Я стоял на крыльце, тяжело дыша, и смотрел на свои дрожащие руки. Мои джинсы стали катастрофически тесными.

Я вернулся на свою половину дома. Помыл руки обычным мылом, стерпел грязные разводы на костяшках. Поставил чайник.

Через пятнадцать минут в мою дверь постучали. Есения вошла на кухню. На ней был безразмерный серый свитер, скрывающий фигуру, и старые домашние штаны. Волосы замотаны в полотенце. — Чайник вскипел? — тихо спросила она, усаживаясь за стол и подтягивая колени к подбородку.

Я смотрел на этот огромный, уютный свитер, но перед моими глазами стояло запотевшее зеркало, капли воды на её коже и эти сведенные от холода, дерзкие соски. Я сглотнул, чувствуя, как желание снова бьет по нервам.

— Вскипел, — хрипло ответил я, отворачиваясь к плите, чтобы она не увидела моих глаз. — Будешь с ромашкой или черный?

Она даже не подозревала, что последние пятнадцать минут я балансировал на грани того, чтобы разнести её жизнь в щепки. И она не знала, что с этого вечера правила игры изменились окончательно. Я больше не собирался быть просто её другом.

Глава 8. Смещение фокуса.

ЕСЕНИЯ

На кухне Лиса пахло заваренной ромашкой и почему-то успокаивающим запахом древесной стружки.

Я сидела за столом, подтянув колени к груди и спрятав руки в длинных рукавах огромного свитера. Мокрая после душа голова была замотана в полотенце. Впервые за эти безумные сутки я чувствовала себя в абсолютной безопасности. Елисей стоял у плиты, прислонившись бедром к столешнице. На нем были простые серые спортивные штаны и черная футболка. Волосы влажные — видимо, он тоже успел сунуть голову под кран, смывая мазут.

— Как там у Артура на СТО? — тихо спросила я, делая глоток горячего чая. Кружка согревала озябшие пальцы. — Сильно гоняет? Лис пожал плечами, делая глоток из своей кружки. — Нормально. Работы валом. Артур мужик нормальный, лишних вопросов не задает. Половина Барнаула, кажется, решила переобуть резину и перебрать ходовку именно на этой неделе.

Я кивнула, глядя на его руки. Костяшки были сбиты, под ногтями всё еще виднелась темная каемка, которую не брало никакое мыло. — Лис... — я замялась, глядя в кружку. — А что теперь? Ты останешься здесь? А как же твой бизнес в Новосибирске? И... Милана? Она же, наверное, ждет тебя.

Вы всё-таки полгода вместе жили.

Елисей посмотрел на меня поверх кружки. Его лицо осталось абсолютно спокойным, даже расслабленным. — Бизнес я продал партнеру. А Милана меня не ждет. Мы расстались.

Я поперхнулась чаем. Закашлялась, прижав кулак к губам. — В смысле — расстались?! Когда? — Вчера вечером, — буднично отозвался он. — Мне Макс позвонил. Помнишь Макса?

Я кивнула, всё еще переваривая новость. — Ну вот. Макс зашел в VIP-комнату в «Неоне». А Милана там... — Лис криво, невесело усмехнулся, подбирая слова. — В общем, она там очень тесно общалась с Денисом. В оральном смысле.

Мои глаза округлились. Я с грохотом поставила кружку на стол. — Что?! Она тебе изменила?! С Денисом?! — Ага. Прямо в клубе.

Внутри меня вспыхнуло такое первобытное, жгучее возмущение, что я забыла обо всех своих проблемах. Как она могла?! У нее был Лис — сильный, надежный, невероятный Елисей, а она променяла его на какую-то пьяную интрижку в подсобке! Я смотрела на него и пыталась найти на его лице хоть каплю боли или разбитого сердца. Но там было только глухое спокойствие. И всё же, мне казалось, что он просто прячет свои эмоции, как делал это с десяти лет, когда от него ушла мать.

Я резко встала из-за стола и подошла к нему. — Лис... Господи, мне так жаль, — я вскинула руки и крепко обняла его за шею, прижимаясь всем телом. — Она круглая идиотка. Слышишь? Самая настоящая дура!

Он замер. На секунду его руки просто повисли вдоль тела, а потом медленно, словно нехотя, легли мне на талию. Я прижалась к нему еще теснее, желая утешить, показать, что я рядом. Ткань моих тонких домашних штанов плотно соприкоснулась с его спортивками.

И тут я почувствовала *это*.

В мой живот, прямо над лобковой костью, уперлось нечто твердое, горячее и налитое тяжестью. В первую долю секунды мой мозг даже не понял, что это. А потом меня словно ударило током. Это был его член. Напряженный до предела, пульсирующий даже сквозь двойной слой нашей одежды.

Я замерла, перестав дышать. Елисей был возбужден. Возбужден так сильно, что это невозможно было скрыть. И дело было даже не в его внушительных, пугающих размерах, от осознания которых у меня мгновенно пересохло во рту. Дело было в моей собственной реакции.

Когда Егор пытался прижиматься ко мне вот так, внутри меня всё каменело, опускался тот самый глухой бетонный блок. Я чувствовала панику и желание сжаться. Но сейчас... Сейчас, прижавшись к пульсирующей, каменной плоти Лиса, я не почувствовала ни капли страха. Наоборот. Низ живота мгновенно скрутило от сладкой, тяжелой судороги. Ме-

ня обдало таким горячим, откровенным жаром, что между бедер всё мгновенно стало влажным от внезапного, неконтролируемого желания. Мне вдруг до безумия захотелось податься вперед. Потереться об него. Почувствовать эту твердость без всяких преград, пустить её в себя...

Господи.

Елисей издал тихий, сдавленный рык сквозь стиснутые зубы. Он моментально осознал, что я всё поняла. Его руки на моей талии напряглись, пальцы впились в ткань моего свитера, и он мягко, но непреклонно отстранил меня от себя, делая шаг назад и разрывая этот обжигающий контакт.

— Всё нормально, Лиса, — его голос звучал хрипло, ниже обычного, он старательно отводил взгляд в сторону, разглядывая стену. — Я не расстроился. Честно. Чем привязала, тем и отвязала.

Он обошел меня по широкой дуге, подошел к раковине и включил холодную воду, поставив под нее руки и умывая лицо. Его плечи были напряжены как канаты. Он пытался остудить свой пыл, пытался сделать вид, что это просто физиология, случайность, и отчаянно надеялся, что я ничего не заметила, или спишу это на тесноту кухни.

Я медленно опустилась обратно на стул, сложив дрожащие руки на коленях. Я сделала вид, что ничего не произошло. Сделала вид, что меня интересует только мой ромашковый чай.

— Ну и слава богу, — ответила я, поразившись тому, ка-

ким ровным прозвучал мой голос. — Ты заслуживаешь лучшего.

Лис выключил воду и вытер лицо полотенцем. Он сел напротив меня, но теперь старался держать дистанцию. Он двигался осторожно, чуть сгорбившись, чтобы скрыть свое состояние за столом.

Мы сидели и пили чай в тишине. Он думал, что я ничего не заметила. Думал, что его тайна в безопасности. А я сидела, сжимая горячую кружку, и боролась с сумасшедшим желанием перелезть через стол, сесть ему на колени и узнать, каково это — когда на тебя смотрит не мальчишка-сосед, а мужчина. Мужчина, которого я хочу так, что болят ребра.

Мой мир, который начал крениться этой ночью, только что окончательно перевернулся с ног на голову. И дороги назад в «просто друзья» у нас больше не было.

Глава 9. Запретная территория.

ЕСЕНИЯ

Я вернулась на свою половину дома на ватных ногах. Тихо закрыла за собой входную дверь, чтобы не разбудить родителей, и проскользнула в свою комнату. Не включая свет, я стянула с себя свитер, домашние штаны и нырнула под холодное одеяло, свернувшись в клубок.

Но холодно мне не было. Внутри, где-то в самом низу живота, разливался тяжелый, пульсирующий жар. Я закрыла глаза, но перед внутренним взором стоял Елисей. Его сбитые костяшки, темные, почерневшие от мазута и усталости глаза. И то, что я почувствовала, прижавшись к нему.

Моя кожа всё еще помнила это ощущение. Каменная, горячая твердость его члена, упершаяся в мой живот. Мощная, мужская реакция на мое прикосновение. С Егором я всегда заставляла себя расслабиться. Я ждала, когда мое тело отзовется на его ласки, и каждый раз молилась, чтобы всё закончилось побыстрее. Но сейчас... Сейчас всё было иначе. Меня никто не трогал, я лежала одна в своей темной спальне, но между бедер было так влажно и горячо, что всё тело сводило от невыносимой судороги. Я хотела его. Хотела своего лучшего друга. Хотела почувствовать эту пугающую, пульсирующую твердость не через ткань одежды, а внутри себя.

Я судорожно выдохнула, и моя рука сама скользнула вниз

по животу. Пальцы коснулись влажной, набрякшей плоти. Я тихонько застонала, запрокидывая голову на подушку. Я никогда не испытывала такой дикой, почти животной потребности в разрядке. Я начала ласкать себя, сначала медленно, а потом всё быстрее, представляя, что это не мои пальцы, а его шершавые, большие руки. Представляя, как он нависает надо мной, как его губы спускаются к моей шее. Возбуждение скручивалось тугой спиралью.

Я гладила свой клитор, чувствуя, как пульс стучит в висках. *Лис... Лис.* Мне нужен был он. Только он. И от этого осознания волна оргазма накрыла меня так резко и мощно, что я выгнулась на кровати, до боли закусив губу, чтобы не закричать. Меня трясло. Разрядка была ослепительной, глубокой, вывернувшей меня наизнанку.

Я лежала, тяжело дыша, глядя в темный потолок. Сердце колотилось как сумасшедшее. Удовольствие медленно отступало, оставляя после себя липкий, ледяной страх. Что я наделала? Как я теперь смогу смотреть ему в глаза? Он — мой лучший друг. Моя стена. Моя семья. Если мы переступим эту черту, если попробуем, а потом всё сломается, как ломается у миллионов других пар... я потеряю его навсегда. Я не переживу этого. Я просто не смогу жить в этом доме, зная, что за забором живет человек, который был моим всем, а стал никем.

Я свернулась калачиком, обхватив плечи руками, и тихо заплакала в подушку от страха перед тем, что уже невозмож-

но было изменить.

ЕЛИСЕЙ

Когда за Лисой закрылась дверь моей кухни, я обессиленно рухнул на стул. Черт. Черт. Черт.

Мои джинсы были тесными до боли. Возбуждение, которое вспыхнуло еще там, в ванной, когда я смотрел на её обнаженную спину и затвердевшие от холода соски, теперь грозило разорвать меня на куски. А когда она обняла меня, прижавшись всем своим мягким, невероятным телом... Я не смог это скрыть. Она почувствовала мой стояк. Я видел, как расширились её зрачки, как она замерла. И я оттолкнул её, потому что боялся напугать.

Я запер входную дверь, выключил свет и пошел в свою комнату. Упал на спину на нерасправленную кровать. Тело ныло от усталости после многочасовой работы на СТО, но уснуть в таком состоянии было невозможно. Член стоял как железный лом, пульсируя и требуя выхода.

Нужно было просто сбросить напряжение. Механически. Как делают все мужики, чтобы уснуть. Я стянул через голову футболку, спустил штаны вместе с бельем. Моя рука обхватила твердый, горячий член. Я начал двигать ладонью — жестко, быстро, закрыв глаза и пытаясь абстрагироваться от того, кто спит за стеной.

Думай о Милане, — приказал я себе. Да, она шлюха, но она знала, что делает. Я попытался вспомнить её мокрый, горячий рот. То, как она умело брала меня, как смотрела снизу

вверх, как её язык скользил по головке, доводя до предела. Я заставил себя сфокусироваться на этой картинке, на чистой физиологии, чтобы просто кончить и забыться сном.

Я ускорил темп, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Но гребаный мозг отказывался подчиняться.

Картинка с умелым ртом Миланы померкла, рассыпалась пеплом. И на её месте вспыхнуло запотевшее зеркало в ванной. Мокрая, растрепанная Есения. Капли воды, стекающие по её шее. Её тяжелая грудь, торчащие, сведенные холодом соски, которые мне до одури хотелось взять в рот. Её запах — яблоки и свежесть. Её зеленые глаза.

— Блядь... — глухо прохрипел я, сжимая член сильнее.

Я не хотел Милану. Я не хотел её грязного, опытного рта. Я хотел эту невыносимую, упрямую девчонку за стеной. Я представлял, как она стонет подо мной, как её ногти впиваются в мою спину, как я вхожу в её , узкую влажность, заполняя её до краев. От одной этой мысли меня прошило током. Возбуждение достигло критической точки. Я застонал, зарываясь затылком в подушку, и мощно, судорожно кончил в собственную ладонь, выплескивая всё это безумное напряжение.

Я лежал в темноте, тяжело дыша, чувствуя, как бешено бьется сердце об ребра. Схватил салфетки с тумбочки, вытер руку и живот. Натянул штаны обратно.

Физическая разрядка принесла облегчение телу, но в голове наступил полный пиздец. Я смотрел на стену, разделя-

ющую наши комнаты. Я знал, что это не просто спермотоксикоз. Это точка невозврата. Я хочу её так, что готов выть.

Но если я сделаю шаг... Если я рискну и поцелую её по-настоящему, а она испугается? Если для нее я всё еще просто «Лис, который всегда рядом»? Она только что рассталась с Егором. Она разбита и уязвима. Если я наброшусь на нее сейчас, я могу сломать всё. А потерять её... потерять этот двор, эти переругивания через забор, её смех — я не смогу. У меня никого ближе неё нет. Страх всё испортить сковал меня ледяными цепями. Я отвернулся к окну, понимая, что эта ночь будет самой долгой в моей жизни.

Глава 10. Опасная дистанция.

ЕСЕНИЯ

Утро воскресенья началось с головной боли и жуткого недосыпа.

Я ворочалась до четырех утра, прокручивая в голове вчерашний вечер: ощущение его твердого тела, собственный срыв, этот сумасшедший оргазм в одиночестве и липкий, душащий страх всё испортить. Когда я наконец выползла на кухню, солнце уже вовсю заливало двор, выкрашивая октябрьские листья в ярко-рыжий цвет.

Мама шумела у плиты, заваривая чай. — Есения, ты бледная как смерть, — заметила она, ставя передо мной чашку. — Точно не заболела? Вчера прибежала вся в слезах, с этим Егором опять поругалась?

Я машинально обхватила чашку теплыми ладонями. — Мы расстались, мам. Окончательно.

Мама замерла с полотенцем в руках, посмотрела на меня внимательно, без тени удивления, и тихо вздохнула: — Ну и слава богу. Никогда он мне не нравился. Слишком прилизанный.

Я кивнула, не вдаваясь в подробности. Если бы мама знала, *из-за кого* на самом деле рухнули мои отношения с «прилизанным» Егором, она бы точно упала в обморок.

Около полудня мне нужно было идти в салон — выходить

на внеплановую смену к постоянной клиентке. Я натянула джинсы, серую худи, набросила куртку и вышла на крыльцо. Сердце предательски кольнуло. Напротив, у соседнего крыльца, стоял Елисей.

Он собирал какой-то инструмент в ящик. На нем были старые джинсы и черная толстовка. Выглядел он так же невыспавшемся, как и я — под глазами залегли тени, а плечи казались тяжелыми.

Я замерла на своей ступени. Стоило мне увидеть его, как внизу живота снова вспыхнуло то самое знакомое, предательское тепло. Я вспомнила, как прижималась к нему вчера, как чувствовала его под одеждой, и меня бросило в краску. Боже мой, как я теперь буду смотреть ему в глаза?!

Лис поднял голову. На секунду его взгляд столкнулся с моим. В его глазах мелькнуло то же узнавание, та же тяжелая, напряженная искра. Он сглотнул, резко сжав челюсти, и на долю секунды отвел взгляд в сторону, словно собираясь с мыслями.

А потом натянул на лицо маску. Обычную, привычную маску «просто друга». — Привет, Лиса, — бросил он хрипловатым от утреннего молчания голосом, защелкивая замок на ящике с инструментами. — Выглядишь так, будто по тебе каток проехал.

Я сглотнула вязкую слюну и попыталась ответить так же легко, хотя голос отчаянно дрожал: — Спасибо, взаимно. Ты тоже не похож на человека, который выспался. — На новом

месте всегда плохо спится, — многозначительно отозвался он, выпрямляясь и глядя прямо на меня.

В воздухе между нами заискрило высокое напряжение. Каждое слово словно имело двойное дно. Мы оба знали, *что* произошло вчера. Мы оба знали, *о чем* думали этой ночью. Но правила нашей многолетней игры требовали делать вид, будто ничего не изменилось.

— Ладно, — я с фальшивой бодростью качнула головой, спешно отступая к калитке. — Мне на работу пора. Опоздаю. — Иди, — тихо сказал Елисей, не сводя с меня тяжелого, обжигающего взгляда. — Я вечером буду дома. Если что... заходи.

От этого «если что... заходи» у меня по спине побежали мурашки. Я быстро кивнула, открыла калитку и практически выбежала со двора, чувствуя, как он провожает меня взглядом.

ЕЛИСЕЙ

Я проводил её взглядом до самого поворота улицы, пока за ней не скрылась её объемная серая худи. Выдохнул так тяжело, будто всё это время задерживал воздух.

«Если что... заходи». Идиот. Какой же я идиот. Я же обещал себе держать дистанцию, не давить, не пугать её. А сам едва сдержался, чтобы не бросить этот проклятый ящик с инструментами, не догнать её посреди улицы, не прижать к ближайшему забору и не сделать то, о чем грезил всю ночь.

Я вошел в дом, бросил ключи на тумбу и прошел на кух-

ню. На столе стояла её недопитая вчерашняя кружка с остывшим чаем. Я подошел, взял её в руки. На ободке остался еле заметный след от гигиенической помады. Меня снова качнуло от волны глухого, животного желания.

Мы оба испугались. Я видел это по её глазам сегодня утром — она бежала от меня точно так же, как я пытался отгородиться от собственных мыслей. Пять лет дружбы. Тысячи совместных воспоминаний, разбитые коленки, доверие, выстроенное по кирпичику. Мы были друг для друга абсолютной стабильностью в этом безумном мире.

И вот теперь под этой стабильностью треснул фундамент. Если мы сделаем шаг навстречу друг другу и оступимся — рухнет всё. Мы не сможем откатить время назад и снова стать просто «Лисом и Лисой». Мы сожжем дотла всё, что у нас есть.

Я поставил кружку на стол и со злости ударил кулаком по стене. Глухой стук эхом разнесся по пустой кухне. Но глядя на эту трещину, я с ужасом и восторгом понимал одну вещь: возвращаться к старому мне уже не хочется. И рано или поздно этот хрупкий лёд под нашими ногами всё равно проломится.

Глава 11. Светские хроники барнаульского разлива.

ЕСЕНИЯ

Вечером понедельника я сидела на диване и тупо смотрела в экран телефона, когда в стену прилетел легкий, но настойчивый стук. Тук-тук. Два коротких. Наш старый условный сигнал еще со школы, когда нужно было вытащить друг друга из дома без лишних слов.

Я отложила телефон, набросила куртку и вышла на крыльцо. Лис стоял у забора. На нем была нормальная, человеческая куртка вместо вечного мазутного комбеза, джинсы и чистые кроссовки. Выглядел он подозрительно бодро для человека, который сутки напролет таскал коробки передач.

— Собирайся, Лиса, — беззаботно бросил он, засунув руки в карманы. — Выходим в свет. — Куда это еще «в свет»? — подозрительно прищурилась я. — Нам что, свет отключили? — Нет. Но у меня законный вечер свободных ушей, и я требую культурной программы. Надоело пахнуть отработкой. Пойдем в «Пинскер» на Ленинском, съедим по бургеру и выпьем пива. Или сока. Чего душа пожелает.

Мысль отказаться промелькнула и тут же испарилась. Сидеть дома одной и снова крутить в голове утреннюю сцену у калитки было выше моих сил. — Десять минут, — бросила

я и метнулась в комнату.

«Пинскер» — популярный бар-ресторан в центре Барнаула — встретил нас шумом музыки, запахом жареного мяса и полумраком. Мы заняли столик в углу, у массивной кирпичной колонны.

Когда принесли огромные бургеры и картошку фри, напряжение последних суток наконец начало отступать. Мы снова были Лисом и Лисой. Мы препирались из-за того, кому достанется последний луковый кольцо, вспоминали, как в десятом классе пытались починить мопед трудовика и разобрали его так, что собрали обратно уже газонокосилку.

Я хохотала так, что за соседними столиками на нас начали оглядываться. С ним было легко. Никакого глянцевого пафоса, никаких дурацких намеков на «совместное светлое будущее».

— Слушай, а бургеры здесь неплохие, — Лис откинулся на спинку дивана, сыто жмурясь, и тут же замер. Улыбка медленно сползла с его лица.

Я проследила за его взглядом. К нашему столику направлялся Егор. Он был не один. Рядом с ним семенила какая-то девица с идеальными губами-уточками и сумочкой Шанель наперевес. Сам Егор выглядел безупречно: сморщенный нос, идеально скроенный костюм и выражение лица человека, который только что выиграл тендер на поставку нефти.

Увидев меня, а главное — сидящего напротив Елисея в обычной толстовке, Егор остановился. В его глазах мелькну-

ло такое злорадное торжество, что мне сразу захотелось запустить в него недоеденной картошкой.

— Ой, какие люди! — растянув губы в голливудской улыбке, произнес Егор. — Есения. И... сосед. Решили сменить обстановку? Из ваших трущоб до центра доехали?

Я уже открыла рот, чтобы высказать всё, что думаю про его манеры и его «Шанель на выгуле», но Лис опередил меня.

Елисей даже не встал. Он медленно вытер салфеткой пальцы, откинулся на диван, скрестил руки на груди и посмотрел на Егора снизу вверх с ленивой насмешкой.

— Рассекаешь? — спокойно сказал Лис, кивнув на его спутницу. — Смотрю, замену нашел быстро. Не прошло и пары дней, а уже выгуливаешь новый экземпляр для светских раутов.

Лицо Егора слегка перекосило от того, что внимание переключили на него, но он быстро взял себя в руки, победоносно усмехнувшись: — Ну, в отличие от некоторых, я не трачу время на детские сказки. Слышал я вашу историю. Есения вчера хлопнула дверью со мной, а ты, сосед, сидишь тут с ней, делая вид, что вы просто друзья из одной песочницы.

Он с вызовом обвел нас взглядом, явно ожидая, что мы смутимся. — Смотрю я на вас, ребятки, — продолжил Егор громче, привлекая внимание соседних столиков, — и прямо умиляюсь. Вы случаем не сговаривались? Сначала синхронно одинокие, а теперь расчищаете друг другу дорожку? Решили вспомнить, как в детстве яблоками кидались, и прове-

речь старую дружбу на прочность, да?

От этой фразы у меня внутри всё заledenело. «*Расчищаете друг другу дорожку*». Как он догадался?! Неужели со стороны всё выглядит настолько очевидно?!

Я испуганно перевела взгляд на Елисея. Лис не смутился ни на секунду. Наоборот, его губы дрогнули в опасной, хищной улыбке. Он медленно поднялся во весь рост — а был он заметно выше и крупнее Егора.

— Знаешь, приятель, — ровно и очень тихо произнес Лис, делая шаг из-за стола прямо к Егору. — В одном ты прав. Дорожку мы действительно расчистили. Только не друг для друга. А от всякого мусора, который путался под ногами.

Егор инстинктивно отступил на шаг назад, утыкаясь спиной в официанта с подносом. — Так что советую тебе забрать свою спутницу и продолжить променады в другом месте, — продолжил Лис, не повышая голоса. — А то аппетит портят всякие... глянцево-недоразумения.

— Пошли, Егор, чего ты с ними возишься... — заныла девица с Шанель, дергая его за рукав. Егор бросил на нас полный ярости и бессилия взгляд, сглотнул ком в горле и процедил: — Да пошли вы оба.

Он развернулся и быстрым шагом потащил свою спутницу к выходу.

Я выдохнула так громко, будто только что вынырнула из проруби. Плечи опустились. Я посмотрела на Лиса, который спокойно вернулся на свое место и откусил кусок бургера.

— Ты гений, — выдохнула я, качая головой. Лис хмыкнул, но глаза его потемнели. Он отложил бургер, поднял на меня свои темные, серьезные глаза и тихо ответил: — А насчет дорожки... этот павлин в одном был прав.

Я замерла, чувствуя, как внутри снова поднимается эта опасная, сладкая волна. — В чем это? — Дорожка действительно свободна, Лиса.

Мы сидели посреди шумного бара, под тусклым светом ламп, и я отчетливо понимала: отступать больше некуда. Шутки кончились.

Глава 12. Шаг за черту

ЕСЕНИЯ

Обратно мы шли пешком. Октябрьский вечер выдался на редкость тихим, но прохладным. До нашей улицы было минут пятнадцать бодрым шагом по освещенному фонарями проспекту, а потом — через тихий частный сектор, где пахло прелой листвой, дымом из печных труб и сырой землей.

Мы шли молча. Но это было не то уютное, привычное молчание, к которому мы привыкли за годы дружбы. Воздух, между нами, буквально искрил, наэлектризованный словами, брошенными в баре. *«Дорожка действительно свободна, Лиса».*

Эта фраза крутилась в моей голове на повторе, отбивая ритм шагам.

— Замерзла? — негромко спросил Лис, бросив на меня взгляд. Мы как раз свернули на нашу темную, тихую улицу. Фонари здесь горели через один, отбрасывая длинные, зловещие тени от голых веток яблонь.

— Чуть-чуть, — честно призналась я, сильнее кутаясь в куртку и пряча руки в карманы. Елисей остановился. Не говоря ни слова, он стянул с себя ту самую черную толстовку, оставшись в футболке, и прежде, чем я успела возразить, накинул ее мне на плечи.

От ткани исходил его запах — смесь дорогого табака, хо-

лодного воздуха и чего-то неуловимо мужественного, родного. Толстовка была огромной, пахнувшей им со всех сторон, и меня мгновенно укутало этим теплом. — Так лучше? — его голос прозвучал неожиданно близко.

Я подняла голову. Мы стояли в тени раскидистого клена, прямо напротив наших ворот. Свет уличного фонаря падал на его лицо, выхватывая резкие скулы, темные глаза и чуть приоткрытые губы. — Да, — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается от нарастающей паники и дикого, всепоглощающего желания.

Он не отступил. Сделал шаг ближе, сокращая расстояние, между нами, до минимума. Его большая теплая ладонь легла мне на плечо, поверх толстовки, пальцы чуть сжались, притягивая меня к себе.

— Лиса... — его голос сорвался на хриплый шепот. — Хватит делать вид, что ничего не происходит.

Я сглотнула вязкую слюну, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — О чем ты? — попыталась включить дурочку я, хотя прекрасно знала ответ. — О нас, — просто и жестко ответил он. Его взгляд скользнул по моим губам, задерживаясь на них на долгую секунду. — О том, что я больше не хочу смотреть на тебя как друг. И ты, черт возьми, знаешь это не хуже меня.

Его слова ударили под дых. Никаких красивых ухаживаний, никаких соплей — только голая, обжигающая правда, от которой некуда было спрятаться. И вместо того, чтобы ис-

пугаться, оттолкнуть его или напомнить про нашу многолетнюю дружбу, я почувствовала, как внутри меня рушится последняя плотина.

— А если мы ошибаемся? — прошептала я, чувствуя, как горячие пальцы Лиса скользят с плеча на мою шею, зарываясь в волосы на затылке. — Если мы всё ломаем?

— Пусть горит всё синим пламенем, — выдохнул он.

И в следующий момент его губы накрыли мои.

Это не было похоже на нерешительные поцелуи из моих снов или на механическую страсть Егора. Поцелуй Лиса был жадным, требовательным, долгим — таким, каким он копил его все эти годы, наблюдая за мной из-за забора.

Я судорожно выдохнула, цепляясь пальцами за ткань его футболки, и прижалась к нему всем телом. Мир вокруг перестал существовать. Была только эта темная улица, запах дыма и его горячие, уверенные губы, которые наконец-то получили то, о чем грезили с самого детства.

Глава 13. Отрезвление

ЕСЕНИЯ

Поцелуй под фонарем возле нашего дома перевернул мой мир окончательно.

Когда Лис наконец отстранился, мы оба дышали так тяжело, будто пробежали марафон. Его пальцы всё еще бережно и крепко держали меня за подбородок, а в потемневших глазах горел такой огонь, от которого внутри плавился весь здравый смысл.

— Завтра, — хрипло выдохнул он, касаясь большим пальцем моей нижней губы. — Завтра мы поговорим обо всем. Без спешки. Я лишь молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и, чувствуя, как земля покачивается под ногами, открыла калитку нашего двора.

Родители уже спали. В доме было темно и тихо. Я на цыпочках прошла в прихожую, скинула кроссовки и вдруг заметила на тумбочке у зеркала белый лист бумаги, прижатый сверху тяжелой гайкой.

Я нахмурилась, взяла записку в руки и поднесла к свету тусклой лампы в коридоре. На бумаге печатными, грубыми буквами было выведено:

«320 тысяч — это основной долг, умники. А за моральный ущерб девушке с лопатой и за неуважение к старшим счет отдельный. С вас еще 150 кусков до пятницы. Иначе

мы навестим отца семейства на его заводе. Ждите гостей».

У меня внутри всё заледенело. Листок выпал из онемевших пальцев и спланировал на пол.

Они не отстали. Эти твари решили, что раз мы заплатили один раз, значит, нас можно доить бесконечно. И самое страшное — угроза заводу. Папа всю жизнь отработал на тяжелом производстве, у него большое сердце, и если эти бандиты заявятся к нему на смену или подкараулят у проходной...

Я бросилась к выходу, на ходу натягивая куртку обратно, распахнула дверь и вылетела во двор. На половине Лиса в окнах горел свет — он, видимо, только что зашел в дом.

Я даже не стала стучать в дверь, просто толкнула её — она оказалась не заперта.

Лис стоял в прихожей в расстегнутой куртке, снимая кроссовки. Увидев мое лицо, бледное и перекошенное от ужаса, он мгновенно подобрался, отбросив обувь.

— Лиса? Что случилось? Я протянула ему записку, которую успела подобрать в коридоре.

Елисей взял бумажку. Пробежал глазами по строчкам. В ту же секунду воздух в прихожей стал тяжелым, почти осязаемым. Его лицо окаменело, скулы налились свинцом, а в глазах вспыхнула такая черная, холодная ярость, какой я у него не видела никогда в жизни.

— Суки... — выдохнул он тихим, зловещим голосом. — Твари конченые.

— Они угрожают папе, Лис, — мой голос сорвался на шепот, на глаза наворачивались слезы бессилия. — Что нам делать? Откуда взять еще сто пятьдесят тысяч? У меня больше нет ни копейки, ты сам знаешь... И платить им нельзя, они не отстанут никогда!

Я была готова паниковать, но Елисей резко перехватил мои плечи своими большими горячими ладонями, встряхнув меня так, чтобы я пришла в себя.

— Смотри на меня, — приказал он жестко и твердо. — Никаких денег они не получают. Ни копейки больше. Слышишь? — Но как мы их остановим?! Они придут к папе!

Лис глубоко вдохнул, отпуская мои плечи, и провел рукой по лицу. Вся романтика вечера испарилась, уступив место чистому, холодному расчету.

— Они думают, что мы испугаемся, — медленно проговорил Елисей, и в его глазах появился опасный блеск. — Думают, что могут беспредельничать, потому что отец когда-то подписал бумаги не глядя. Но это уже не вымогательство долга, Лиса. Это банальное вымогательство. Чистая уголовщина. — Ты хочешь пойти в полицию? — засомневалась я. — Обычные участковые не будут шевелиться из-за какой-то записки...

— Обычные не будут, — усмехнулся Лис. — Но у меня есть знакомый в краевом управлении. Точнее, не знакомый, а старый товарищ по борцовской секции, который сейчас работает в серьезном отделе. Им как раз нужны палочки по та-

ким вымогателям, которые кошмарят частный сектор. — Но у нас нет доказательств! — возразила я. — Записки мало, они все отрицать будут!

Лис хищно улыбнулся, доставая из кармана телефон. — Зато у этих идиотов нет мозгов. Когда они приезжали сюда в первый раз, я успел с окна сфотографировать их черную машину и номера. А на въезде в наш переулок висит камера «умного дома» соседей — та самая, на которую я намекал, когда они только появились. Запросить архив с этой камеры для моего товарища из органов — дело пяти минут. Там зафиксированы и их визиты, и угрозы, и номера.

Я затаила дыхание. Рядом со мной стоял не просто соседский парень, который чинит машины. Передо мной был мужчина, готовый разорвать любого за безопасность моей семьи.

— То есть... мы не будем им платить? — переспросила я тихо. — Мы сделаем так, что они сами принесут нам извинения и забудут дорогу в наш район, — жестко отрезал Лис. Он шагнул ко мне и коротко, но уверенно коснулся губами моего лба. — Сиди дома, Лиса. Закройся на все замки. Я скоро вернусь.

— Я с тобой, — тут же уперлась я, скрестив руки на груди. — Забыл, что у меня в арсенале есть лопата? Лис на секунду замер, глядя на мою упрямую физиономию, а потом уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. В этой улыбке было столько гордости и тепла, что мне на секунду стало даже жалко тех бандитов.

— Поехали, боец, — вздохнул он. — Только без лопаты.
Разбираться будем по-взрослому.

Глава 14. Искры в темноте

ЕСЕНИЯ

Встреча с товарищем Елисея в краевом управлении заняла меньше часа. Серега — крупный опер с цепким взглядом — выслушал нас молча, изучил фотографии с телефона Лиса и видео с уличной камеры, забрал записку и коротко бросил: — Утром группа отработает. Домой поезжайте, закройте дверь и спите спокойно. Больше они не появятся.

Обратно мы возвращались в тишине. Я вела свой старенький «Ниссан», а Лис сидел рядом. Его рука легла на мое плечо, и от этого тяжелого, уверенного касания по всему телу разбегались горячие мурашки.

Я свернула в наш переулок и заглушила двигатель прямо напротив ворот. Фары погасли, погрузив салон машины в глухую, уединенную темноту.

Лис повернулся ко мне, перехватывая мое лицо обеими руками. Его темные глаза в полумраке казались бездонными. — Мы это сделали, Лиса, — хрипло выдохнул он. — Сделали, — прошептала я, замирая под его взглядом.

Он поцеловал меня — глубоко, требовательно, стирая все границы, которые мы выстраивали годами. В тесном пространстве машины воздух мгновенно стал раскаленным. Его ладони скользили по моей спине, прижимая меня к себе так близко, что, между нами, не оставалось воздуха.

Мы оба были натянуты как струны. Напряжение, копившееся месяцами, требовало выхода. Я чувствовала его учащенное дыхание, видела в его глазах ту же дикую жажду, что сжигала меня изнутри.

Лис откинул спинку моего сиденья назад, нависая надо мной всем своим тяжелым, горячим телом. Пространство стало опасно-тесным. Его руки действовали уверенно и властно: одно движение — и толстая ткань одежды перестала быть преградой.

Он не сводил с меня глаз, пока его рука ласкала меня, уверенно и плавно задавая тот самый ритм, от которого у меня перехватывало дыхание. Я выгнулась навстречу его ладони, судорожно вцепляясь пальцами в его плечи и задыхаясь от накатывающей волны.

В этот же момент его вторая рука опустилась ниже, обхватывая его собственную плоть, и он начал отвечать на мое возбуждение жесткими, ритмичными движениями, не отрывая от меня потемневшего, полного иступления взгляда. Каждое его движение отдавалось диким, сладким гулом в каждой клеточке моего тела. Мы оба балансировали на самом краю обрыва.

Нам не нужно было слов. Нас вел чистый, ослепляющий инстинкт.

— Лиса... смотри на меня... — сорвалось с его губ хриплым шепотом.

В следующую секунду меня накрыло сокрушительной,

ослепительной волной разрядки. Я вскрикнула, выгибаясь под ним в темноте салона, а в тот же миг Елисей, глухо и надрывно застонав в самый изгиб моей шеи, резко дернулся в финальном порыве. На мой живот излилась его горячая жидкость, запечатлев на коже всё то безумие, через которое мы только что прошли.

Мы задохнулись, прижимаясь друг к другу в тесном салоне машины, тяжело и прерывисто выдыхая остатки адреналина. На секунду в голове промелькнула безумная, отчаянная мысль — поддаться до конца, впустить его в себя прямо здесь, в этой тесноте, стерев последние барьеры. Но мощная волна совместного оргазма накрыла нас так оглушительно, что эта мысль растворилась сама собой, оставив после себя лишь звенящую, абсолютную легкость.

Несколько минут мы просто легонько касались друг друга дрожащими пальцами, слушая, как бешено стучат наши сердца.

Лис уткнулся лбом мне в плечо, прижимая меня к себе так крепко, будто пытался влить в свое тело, и тихо, с небывалым облегчением выдохнул: — Всё. Больше никаких «просто друзей».

Я слабо улыбнулась в темноте, зарываясь пальцами в его растрепанные волосы, и прошептала: — Я и не сомневалась.

Глава 15. Запретная вода

ЕСЕНИЯ

Мы зашли в дом через заднюю дверь, стараясь не шуметь. Родители спали крепким, ни о чем не подозревающим сном. Но возвращаться на мою половину, в свою тихую комнату, не хотелось никому из нас. Мир вокруг сузился до размеров этого тесного пространства, пахнущего сигаретным дымом, кожей, озоном и нами.

— Идем ко мне, — полушепотом скомандовал Лис, не отпуская мою руку.

У него дома было темно. Елисей закрыл за нами дверь на замок, прислонил меня спиной к прохладной деревянной стене и накрыл мои губы новым, жадным, нетерпеливым поцелуем. В груди снова завязался тугой, горячий узел. Нам обоим было мало того, что случилось в машине — словно адреналин ночного приключения смешался с сумасшедшим, неутолимым голодом друг к другу.

— Лис, подожди... — выдохнула я, зарываясь пальцами в его растрепанные волосы и с трудом прерывая поцелуй. — Мне нужно освежиться перед сном. Я вся насквозь пропахла дорогой и этой ночью.

Он на секунду отстранился, тяжело дыша, посмотрел на меня своими потемневшими, почти черными глазами и хрипло кивнул: — Пойдем.

Мы не стали включать свет в ванной. Лунный свет падал через узкое матовое окошко, вырисовывая на кафеле длинные тени.

Вода зашумела почти сразу, заполнив комнату густым, обжигающим паром. Лис раздевал меня медленно, но с такой жадной торопливостью, будто боялся, что я растаю. Моя одежда полетела на пол ванной комнаты. А следом он избавился и от собственной.

Когда мы шагнули под тугие, горячие струи душа, у меня перехватило дыхание.

Елисей прижал меня спиной к кафельной стене, закрывая собой от прохладного воздуха. Вода стекала по его широким плечам, струилась по резким скулам, капала с темных прядей на мой затылок. Его руки скользнули по моим бедрам, заставляя раздвинуть ноги шире, и в этот момент он прижался ко мне всем телом. Его возбуждение снова было железным, обжигающим, готовым взорваться от любого движения.

Но он не спешил переходить к финалу. У него не было ни тени сомнения, ни единого лишнего вопроса о моем прошлом — казалось, мы всегда принадлежали друг другу, и то, что было до него, просто не имело никакого значения. Для него существовала только я, здесь и сейчас.

Его губы горячо и влажно скользнули с моей шеи ниже, очерчивая ключицы. Я закинула голову назад, упираясь ладонями в мокрую стену, когда его рот накрыл мою грудь.

Он ласкал меня с такой неистовой нежностью, целуя каж-

дый сантиметр кожи, пока я шумно задыхалась под потоками воды. Его язык кружил вокруг затвердевших, болезненно-чувствительных сосков, а зубы легко, едва ощутимо прихватывали их, заставляя меня выгибаться ему навстречу. Руки Лиса крепко держали меня за талию, приподнимая над полом, чтобы я могла полностью раствориться в его прикосновениях.

— Лис... боже... — сорвалось с моих губ вместе со стоном, который тут же заглушил шум воды.

Он опустился на колени прямо на кафельный пол, не обращая внимания на летящие вокруг брызги. Его горячие ладони легли на мои бедра, разводя их шире, а язык нашел самую чувствительную точку.

Его ласки были виртуозными, глубокими и невероятно жадными. Он то легко и нежно покусывал и облизывал мой клитор, то настойчиво втягивал его в себя, доводя меня до безумия. Вода струилась по нашим телам, смешиваясь с потом и жаром, а я вцепилась пальцами в его мокрые волосы, царапая кафель за его спиной и теряя контроль над каждым вздохом. Ощущение было настолько острым, что перед глазами вспыхивали белые искры.

— Смотри на меня, Лиса... — выдохнул он, на секунду отрываясь и поднимая на меня потемневший, полный первобытного желания взгляд снизу вверх.

Я перевела дыхание, глядя на него, и опустилась на колени рядом с ним на мокрый кафель.

Вода заливала нам лица, но мне было все равно. Я протянула руку, обхватывая его твердый, горячий член, чувствуя, как под моими пальцами натягиваются все его мышцы. Елисей глухо застонал от моего прикосновения, запрокинув голову назад.

Я наклонилась ближе, проводя языком по горячей головке, вбирая его в рот. Мои губы двигались уверенно и ритмично, а рука задавала нужный темп. Я чувствовала каждый его судорожный вдох, слышала, как срывается его дыхание, и от этого осознания собственной власти над ним внутри меня поднималась новая, дикая волна возбуждения. Он зарылся пальцами в мои мокрые волосы, чуть сжимая их, покачивая бедрами в такт моим движениям.

Мы были на грани. Настолько близко к окончательному переходу за черту, что воздух в ванной казался раскаленным добела. Еще один шаг — и мы бы сорвались. Но эта невидимая граница оставалась нетронутой, придавая нашему безумию еще больше остроты и запретного вкуса, и мы оба кончили практически одновременно — в этом общем шторме из воды, дыхания и дикого, ослепляющего восторга.

Мы выключили воду, вылезли из кабины и, завернувшись в один большой полотенце-плед, прошли в комнату. На его старенькой, узкой и совсем не королевской кровати нам пришлось тесниться плечом к плечу, но это только добавляло уюта. Лис прижал меня к себе, накрывая тяжелым одеялом, и зарылся лицом в мои мокрые волосы.

Мы лежали в абсолютной темноте, прислушиваясь к тому, как стучат наши сердца в унисон. Дорога назад была сожжена окончательно.

Глава 16. Утреннее похмелье реальности

ЕСЕНИЯ

Утреннее солнце пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на потертых обоях Елисея золотистые полосы.

Я проснулась оттого, что мне было невероятно тепло и тесно. Я лежала на боку, на краешке той самой узкой кровати, а сзади меня прижимал к себе Лис. Его рука обвивала меня поперек талии, притягивая вплотную к его широкой, горячей спине, а лицо уткнулось в изгиб моей шеи. Его дыхание было ровным и глубоким — он еще спал.

Но главным было другое. Ниже, сквозь тонкую ткань домашних штанов, я отчетливо чувствовала его утренний, твердый и тяжелый стояк, который упирался мне прямо в бедро.

Я замерла, боясь шевельнуться, но внутри меня всё мгновенно завязалось в тугую, сладкий узел. Вспоминая редкие ночи с Егором, я отчетливо понимала: там никогда не было ничего подобного. С Егором всё казалось правильным лишь на словах, по расчету, а просыпаться рядом было просто рутиной, не вызывающей ни единой искры. А сейчас... От одного осознания, что рядом со мной лежит мужчина, который

хочет меня даже во сне, мое тело отзывалось таким диким, животным теплом. Дикая смесь смущения и нетерпения ударила в голову: мне вдруг безумно захотелось самой прижаться к нему сильнее, перевернуться, залезть на него сверху и разорвать все преграды. Желание плескалось внутри через край.

В этот момент за тонкими деревянными стенами раздался спокойный голос мамы: — Есения! Дочка, иди завтракать, чай стынет.

Я резко приоткрыла глаза, чувствуя, как краска заливает лицо.

Елисей мгновенно среагировал на звук и мое движение. Его рука на талии чуть сильнее сжалась, притягивая меня ближе, а губы тронули кожу на моем плече в ленивом утреннем поцелуе.

— Пусть мама подождет, — хриплым, просоночным голосом пробормотал он, не открывая глаз, и шумно вдохнул запах моих волос. — Лис, она сейчас сама сюда придет, — шепотом запаниковала я, пытаюсь прийти в себя.

Он наконец приоткрыл один глаз, лениво скосился на меня, и уголки его губ дрогнули в довольной, сонной ухмылке. — Ну зайдет. Увидит, зятя рядом с дочерью.

— Дурак! — я тихонько пихнула его локтем в ребра, хотя внутри всё пело от этого наглого спокойствия. — Мы вчера только перешли черту, а ты уже...

— А кто сказал, что я собираюсь тормозить? — он пере-

хватил мой локоть, легко перевернул меня на спину, нависая сверху, и накрыл мои губы своими.

Целоваться с ним вот так, утром, в постели, после всего, что между нами произошло, было опьяняюще. Никакой неловкости. Только горячее дыхание и губы, которые пахли свежестью, кожей и ночным безумием.

Но реальность всё же потребовала своего. Через пару минут раздался громкий стук в дверь, и голос папы: — Елишь, ты живой там? Открой ворота, машина приехала с металлом!

Лис тяжело вздохнул, понимая, что спрятаться от мира не получится. Он нехотя отстранился, сел на кровати, взъерошив темные волосы, и ухмыльнулся: — Ладно, боец. Пойдем спасать твоего отца от металла. Но учти — вечером мы продолжим.

Я быстро поправила одежду и, стараясь выглядеть максимально невинно, шмыгнула через дверь на нашу половину дома, чувствуя, как внутри всё еще дрожит отголосок этого утреннего пожара.

ЕСЕНИЯ (спустя пару часов)

День пролетел в каком-то лихорадочном тумане.

Около полудня к дому подъехал черный внедорожник. Из него вышли двое крепких мужчин в гражданском, которые молча перекинулись пара слов с отцом, обошли двор, а потом заглянули к Лису. Как выяснилось позже, это были оперативники из группы Сереги — они быстро и жестко объяснили тем ублюдкам, что второй визит в наш переулок будет

стоять им свободы. Вопрос с вымогательством закрылся раз и навсегда. Никаких денег больше никто не требовал.

Я сидела на крыльце, чистила картошку для обеда и думала о том, как странно меняется жизнь. Всего за пару дней рухнули старые декорации: нет больше токсичного Егора, нет долгов, нет бандитов под окнами. И мы с Лисом больше не прячемся за статусом «лучших друзей».

В калитку тихо звякнул засов. Вошел Елисей. Он выглядел уставшим, но невероятно довольным. На ходу стягивая перчатки, он подошел к крыльцу, присел на корточки прямо передо мной и заглянул в глаза.

— Ну что, мадам? — тихо спросил он, улыбаясь. — Свобода. — Полная, — улыбнулась в ответ я, откладывая нож.

Он протянул руку, смахнул с моего запястья крошечную шелуху от картошки и переплел свои пальцы с моими.

— Раз уж мы свободны... — его взгляд потемнел, став тягучим и опасным. — У меня на вечер есть план. — Какой еще план? — Уедем на озеро за городом. Возьмем плед, термос и проведем вечер вдвоем. Без заборов, без родителей и без посторонних глаз.

Сердце пропустило удар. — Только вдвоем? — уточнила я шепотом. — Только вдвоем, Лиса, — подтвердил он, поднося мою руку к губам и оставляя горячий поцелуй на костяшках пальцев. — Пора узнать, каково это — быть не просто соседями.

Глава 17. Операция «Конспирация» и кружевные страхи

ЕСЕНИЯ

Скрывать от родителей то, что мы с Елисеем перешли черту, оказалось задачей не из легких. Мы не боялись их реакции — в конце концов, папа всегда Лиса обожал, а мама давно привыкла к его присутствию. Просто нам обоим хотелось подольше сохранить эту тайну только для нас двоих. Как хрупкий мыльный пузырь, который лопнет от чужих взглядов.

Поэтому за обедом мы разыгрывали спектакль, достойный «Оскара».

— Мам, пап, мы с Лисом на озеро сгоняем к вечеру, — будничным тоном бросила я, наливая суп. — Сезон закрыть. Холодно уже, так что арендуем там теплый домик с печкой до завтра.

Мама только отмахнулась полотенцем: — Ой, съездите, конечно. Тебе полезно развеяться после этого твоего... Егора. Воздухом подышите. Лис за тобой присмотрит. Только шапку надень, октябрь на дворе! И Лису скажи, чтоб поясницу не застудил!

Я едва не поперхнулась супом, а Елисей, сидевший напротив и с абсолютно невозмутимым видом жевавший хлеб, под

столом медленно и многозначительно провел теплой ступней по моей голени. Я ойкнула и выронила ложку. — Что такое? — всполошилась мама. — Горячо! — пискнула я, испепеляя Лису взглядом. Он только невинно пожал широкими плечами и отправил в рот кусок мяса.

После обеда мы разбежались собирать вещи. И вот тут, оставшись одна в своей комнате перед открытой дорожной сумкой, я почувствовала легкий, будоражащий мандраж.

Домик. Озеро. Ночь наедине. Все эти дни нас прерывали: то родители, то бандиты, то узкие сиденья машины, то душ, из которого пришлось быстро спастись. Но сегодня у нас будет целая ночь, большая кровать и никаких преград. И я понимала, что мне придется ему сказать.

Правда заключалась в том, что у меня еще никогда не было настоящего секса. Да, с Егором были ласки, но каждый раз, когда дело доходило до главного, внутри меня срабатывал бетонный блок. Тело протестовало, и я технически осталась девственницей.

И я ни капли об этом не жалела. Наоборот, сейчас я абсолютно ясно понимала: я просто ждала *своего* человека. Того самого, кому захочется отдать всё без остатка.

Но как сообщить об этом Лису? Елисей — взрослый мужчина, и у него по отношению ко мне выработан колоссальный, почти звериный инстинкт защитника. Я до дрожи боялась, что, узнав о моей неопытности, он мгновенно включит «режим благородного рыцаря». Решит, что меня нужно

беречь, испугается сделать больно или, чего доброго, скажет что-то в духе: *«Давай подождем, чтобы ты точно была готова»*.

А я не хотела больше ждать! Я хотела его прямо сейчас, до одури, до дрожи в коленях. Мне нужна была дикая, жаркая ночь, а не трепетное сдувание пылинок. Мой главный страх состоял в том, что моя девственность заставит его нажать на тормоза, и он начнет искусственно оттягивать момент нашей близости из лучших побуждений.

Значит, мне нужен был козырь. Если мне суждено признаться, я должна выглядеть так, чтобы у него просто отключился мозг и не осталось ни единой силы на благородные отступления.

Порывшись в ящике с бельем и найдя там только хлопковые парашюты да старые разнобойные комплекты, я решительно схватила куртку. Мне нужен был магазин. Не какой-нибудь пошлый отдел с красным гипюром, а место, где я куплю простое, элегантное белье одного цвета. Такое, которое не оставит рыцарю ни единого шанса на отступление.

Я прыгнула в свой «Ниссан» и погнала в торговый центр на Павловском тракте.

Глава 18. Сплетни и изумрудный шелк

ЕСЕНИЯ

В магазине нижнего белья пахло дорогим парфюмом и ванилью. Я бродила между рядами, перебирая вешалки, и мой взгляд зацепился за потрясающий комплект глубокого изумрудного цвета. Гладкий шелк, немного тонкого кружева по краям — ничего кричащего, но выглядело безумно дорого и женственно.

Я уже потянулась за своим размером, когда услышала за спиной знакомый, чуть писклявый голос: — Есения? Привет!

Я обернулась. Передо мной стояла Света — наша общая знакомая по старым городским тусовкам, главная сплетница района, которая каким-то чудом умудрялась поддерживать связь и с новосибирской компанией Лиса, включая Милану.

— О, Света, привет, — я натянула вежливую улыбку, быстро прикрывая изумрудный бюстгальтер шарфом. — Сто лет тебя не видела! — Света чмокнула воздух возле моей щеки. — Слушай, ты ведь с Елисеем общаешься, вы же соседи? Слышала, что у них с Миланкой произошло?

Я прикусила щеку изнутри. — Ну... краем уха. А что говорят?

Света закатила глаза и заговорщически понизила голос: — Милана мне вчера в слезах звонила. Говорит, он просто монстр! Бросил её из-за какой-то глупости, даже вещи собрать не помог. Представляешь, наорал на пустом месте, развернулся и уехал в Барнаул! Она бедная так страдает, говорит, он абьюзер страшный, холодом от него веет.

Я слушала эту феерическую чушь, и внутри у меня закипала злость. Измена в вип-комнате клуба теперь называлась «на пустом месте»? Какая потрясающая изворотливость! Я могла бы промолчать. Могла бы кивнуть и пойти дальше. Но позволить этой новосибирской стерве делать из Елисея тирана, прикрывая собственный блуд? Черта с два.

— На пустом месте, говоришь? — я холодно усмехнулась, глядя Свете прямо в глаза. — Свет, а Милана не забыла уточнить, что это «пустое место» звали Денисом? И что Елисей застал её с ним в клубе «Неон» в вип-кабинке, пока она старательно отрабатывала этому Денису орально?

Глаза Светы округлились до размеров блюдца. Она даже рот приоткрыла, судорожно хватая воздух. — Да ладно?! — выдохнула она, и в её взгляде мгновенно вспыхнул азарт хищника, почуявшего свежую кровь. — Она ему изменила?! Прямо в клубе?!

— Ага, — кивнула я, наслаждаясь произведенным эффектом. — Так что передай ей при случае: пусть скажет спасибо, что он просто уехал, а не разнес там половину заведения.

— Обалдеть... Вот это поворот! А мне тут рыдает в труб-

ку... — Света уже мысленно кому-то строчила сообщения, её руки аж дрожали от нетерпения разнести эту новость по всем общим знакомым. — А ты-то сама как? Смотрю, бельишко красивое выбираешь. К свиданию готовишься? С Егором романтика?

— С Егором мы расстались, — спокойно отрезала я. — А белье... белье я просто для себя покупаю. Осень, знаешь ли, хочется радовать глаз.

— Ой, ну правильно! Себя надо любить, — Света потеряла ко мне интерес, её мозг уже был занят трансляцией горячего эксклюзива в массы. — Ладно, побегу. Увидимся!

Я с облегчением выдохнула, глядя ей вслед. Я знала Светку: к вечеру эту историю во всех подробностях будут обсуждать все, кто хоть раз пересекался с Елисеем или Миланой. А значит, справедливость восстановлена.

Оплатив изумрудный комплект, я поехала домой.

Когда я подъехала к нашим воротам, Лис уже загружал сумки в багажник — он успел взять у Артура с СТО крепкий, вместительный внедорожник на выходные. Он был в теплом свитере крупной вязки, джинсах и выглядел так, что у меня моментально пересохло во рту.

Увидев мой «Ниссан», он подошел к водительской двери, открыл её и подал мне руку.

— Всё купила, что хотела? — спросил он, хитро прищурившись и скользнув взглядом по пакету из бутика. — Всё, — сглотнула я, пряча пакет за спину. — Мы готовы?

Елисей уверенно притянул меня к себе за талию прямо на улице, не заботясь о том, увидят нас соседи или нет, и коротко поцеловал в губы. — Готовы, боец. Поехали закрывать сезон.

Я села на пассажирское сиденье внедорожника, сжимая в руках пакет с изумрудным бельем. Сердце колотилось как сумасшедшее. Впереди нас ждали озеро, деревянный домик с печкой и тот самый момент, которого я так отчаянно ждала.

Глава 19. Изумрудный шелк и рыцарские тормоза

ЕСЕНИЯ

Дорога за город заняла около часа. Мы оставили позади суету Барнаула, серые многоэтажки и шумные трассы, свернув на узкую лесную дорогу. Октябрьский лес стоял прозрачный, засыпанный золотой и багровой листвой, а в воздухе пахло сыростью и хвоей.

База отдыха на берегу озера встретила нас тишиной — сезон действительно закончился, и большинство домиков стояли заколоченными. Наш оказался небольшим срубом на самом краю берега, вдали от домика сторожа. Внутри пахло сухим деревом, чистотой и немного дымом. Здесь была крошечная кухня, массивная деревянная кровать, застеленная тяжелым пледом, и настоящая чугунная печь-камин.

Пока Лис таскал вещи и растапливал печь, я нарезала бутерброды и заварила в термосе крепкий чай с чабрецом. Суэта помогала мне справляться с нарастающим внутри мандражом.

Когда в печи весело затрещали дрова, наполняя комнату густым, обволакивающим теплом, за окном уже сгустились сумерки.

Елисей сел на ворсистый ковер прямо перед огнем, вы-

тягивая длинные ноги. Отблески пламени танцевали на его резких скулах. Он похлопал по месту рядом с собой, приглашая меня сесть. Я опустилась рядом, передавая ему кружку с горячим чаем.

Мы сидели в полумраке, прислушиваясь к треску поленьев и шуму ветра за деревянными стенами. Его свободная рука легла мне на талию, притягивая ближе, и я привычно устроила голову у него на плече. Это было так уютно и правильно, что на секунду мне захотелось остановить время. Но внутри всё дрожало от предвкушения того, зачем мы на самом деле сюда приехали.

— Замерзла? — тихо спросил он, касаясь губами моих волос. — С тобой — нет, — так же тихо ответила я.

Я отставила свою кружку, глубоко вдохнула, собирая всю смелость в кулак, и поднялась с ковра. — Я сейчас. Мне нужно... переодеться с дороги.

Лис понимающе кивнул, его глаза в полумраке потемнели, словно он прочитал всё, что было написано у меня на лице.

Я закрылась в крошечной ванной комнате. Сняла теплый свитер, джинсы. Достала из пакета тот самый изумрудный комплект. Тонкий шелк скользнул по коже прохладной волной, идеальное кружево подчеркнуло грудь. Я распустила волосы, позволяя им свободно упасть на плечи. В зеркале отражалась девушка с румянцем на щеках и лихорадочно блестящими глазами. Я не была напуганной девчонкой. Я была женщиной, которая точно знала, чего хочет.

Я толкнула дверь и вышла в комнату.

Елисей всё так же сидел у камина, но когда он повернул голову и увидел меня, то замер, словно наткнулся на невидимую стену. Он медленно поставил кружку на пол. Его взгляд, тяжелый, темный, обжигающий, скользнул по моим босым ногам, задержался на линии бедер, на изумрудном кружеве и остановился на моих губах. Воздух в комнате мгновенно стал раскаленным.

Он поднялся на ноги. Грация хищника, который наконец-то увидел свою добычу. Я не стала ждать, пока он сделает первый шаг. Я подошла к нему сама, вплотную, поднимая голову и смело глядя ему в глаза.

— Лиса... — выдохнул он так хрипло, будто сорвал голос, и его руки тяжело легли на мою талию, обжигая кожу даже сквозь тонкий шелк. — Ты сводишь меня с ума.

— Это взаимно, — прошептала я.

Он подхватил меня на руки, как пушинку, в два шага преодолел расстояние до кровати и опустил меня на плед, сразу же нависая сверху. Его поцелуи обрушились на меня лавиной — жадные, властные, не оставляющие ни единого шанса на сопротивление. Я отвечала ему с такой же жадной, путаясь пальцами в его волосах, стягивая с него футболку, желая чувствовать его горячую, гладкую кожу под своими руками.

Его губы скользнули с моего рта на шею, спустились к ложбинке между грудей, заставляя меня выгибаться и тихо стонать. Пальцы Лиса уверенно, но безумно нежно гладили

мои бедра, подбираясь всё ближе к краю изумрудного кружева.

Я поняла: сейчас или никогда. Если не скажу сейчас, потом дороги назад не будет, а сюрприз в процессе может испортить всё.

— Лис, — я с трудом оторвалась от его губ, тяжело дыша и сжимая ладонями его лицо. — Стой. Подожди секунду.

Он замер, нависая надо мной. Грудь его тяжело вздымалась, в глазах плескался чистый, первобытный огонь. — Что такое, маленькая? Я делаю что-то не так?

— Нет, ты всё делаешь так, — я сглотнула, глядя прямо в его потемневшие глаза. — Просто... я должна тебе сказать. До того, как мы пойдем дальше.

Он нахмурился, чуть отстраняясь. — Что сказать?

— У меня... никогда не было настоящего секса, Лис, — слова вырвались на одном дыхании, четко и ясно. — Я технически девственница.

Елисей замер. На секунду в комнате повисла абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая только треском поленьев в печи. Я видела, как в его взгляде вспыхнуло удивление, затем недоверие, а потом... потом произошло именно то, чего я боялась. В его глазах мгновенно включился тот самый «режим рыцаря». Огонь страсти отступил, уступая место осторожности.

Он медленно опустился на локти рядом со мной, бережно убирая прядь волос с моего лица. — Лиса... — его голос

дрогнул, стал непривычно мягким, почти виноватым. — Почему ты не сказала раньше? Черт, а с Егором? Вы же столько времени были вместе.

— Не смогла. Не хотела, — я упрямо вздернула подбородок. — Тело не пускало. И я ни капли об этом не жалею.

Лис провел ладонью по лицу, глубоко вдыхая. — Маленькая моя... — он коснулся губами моего лба, и в этом жесте было столько нежности, что мне захотелось завывать. — Это же... это твой первый раз. Я не могу вот так, нахрапом. Это должно быть правильно. Я не хочу сделать тебе больно или напугать. Давай притормозим, если ты...

— Нет! — я резко подалась вперед, перебивая его, и с силой вцепилась в его плечи. — Елисей, послушай меня. Я надела этот комплект не для того, чтобы ты сдувал с меня пылинки. Я ждала своего человека. И этот человек — ты.

Он смотрел на меня во все глаза, пораженный моим напором.

— Я не хрустальная ваза, Лис, — мой голос сорвался на жаркий шепот. Я скользнула ладонью по его груди вниз, к поясу его джинсов, чувствуя, как он судорожно выдыхает сквозь стиснутые зубы от этого прикосновения. — Мне не нужна жалость. Мне нужен ты. Весь. Прямо сейчас. И если ты сейчас дашь заднюю из-за своего благородства, я сама тебя убью.

В его глазах снова вспыхнуло то самое темное, опасное пламя, но теперь в нем была еще и абсолютная, сокруши-

тельная гордость. Он перехватил мое запястье, прижимая мою ладонь к своей груди, туда, где бешено колотилось сердце.

— Ты сама напросилась, боец, — хрипло выдохнул он, и его губы обрушились на мои так, что все мысли разом вылетели из головы.

Рыцарские тормоза были сорваны окончательно.

Глава 20. Ледяной звонок

ЕСЕНИЯ

Его губы были повсюду. Горячие, требовательные, сводящие с ума. Я забыла, как дышать, забыла, где нахожусь, растворяясь в его руках, в его запахе и в том животном, первобытном магнетизме, который накрыл нас обоих. Мои пальцы судорожно сжимали его плечи, пока он покрывал поцелуями мою шею, опускаясь всё ниже к изумрудному кружеву.

Мир сузился до размеров этой кровати и треска поленьев в печи.

И вдруг тишину домика разорвал резкий, вибрирующий звук. Телефон Елисея, брошенный на тумбочку, надрывался от звонка.

Лис глухо зарычал мне в шею, даже не думая останавливаться. — Не отвечай, — выдохнула я, зарываясь пальцами в его волосы. — И не подумаю, — хрипло отозвался он, снова накрывая мои губы своими.

Мелодия смолкла. Но через секунду телефон зазвонил снова. Настойчиво. Истерично.

Елисей со стоном оторвался от меня, тяжело дыша. В его глазах полыхал огонь, а на скулах ходили желваки. — Я сейчас его просто разобью об стену, — процедил он, нехотя дотягиваясь до тумбочки.

Его взгляд скользнул по светящемуся экрану. Брови со-

шлись на переносице. Номер был незнакомый. — Да кого там несет на ночь глядя? — он нажал кнопку ответа, раздраженно выдохнув: — Слушаю.

Я видела, как пламя в его глазах мгновенно потухло. Лицо окаменело, а пальцы так крепко сжали аппарат, что побелели костяшки.

— Кто? — переспросил Лис. Голос прозвучал так глухо и чуждо, словно говорил другой человек. — Да. Это мой номер. Откуда он у вас?

В трубке говорил незнакомый, по-деловому сдержанный женский голос. Я не могла разобрать всех слов, но интонация была казенной, пугающей.

— Вы ничего не перепутали? — процедил Елисей ледяным тоном, от которого у меня мурашки побежали по коже. — Я не видел эту женщину двенадцать лет. Мне всё равно, что с ней случилось. У неё есть муж.

Голос в трубке что-то быстро ответил. Елисей замер. Его широкая спина напряглась до предела.

— Какой еще ребенок? — выдохнул он. Пауза. — Я вас понял, — наконец коротко бросил Лис и сбросил вызов.

Он отбросил телефон на плед и опустил голову на руки, тяжело и прерывисто дыша. Вся магия нашего вечера разбилась вдребезги. В комнате повисла тяжелая, гнетущая тишина.

Я молча села рядом, натянув на плечи край теплого одеяла, чтобы прикрыть изумрудный шелк, и осторожно поло-

жила ладонь на его напряженную, горячую спину.

— Что случилось? — мягко спросила я.

Лис медленно поднял голову. В его темных глазах плескался такой коктейль из застарелой боли, ярости и растерянности, что у меня сжалось сердце.

— Это звонили из приемного покоя краевой больницы, — глухо начал он. — Авария на трассе. Мужчина заснул за рулем, машина ушла под фуру. Он и моя... мать — в реанимации, в коме. В её телефоне в экстренных контактах почему-то был забит мой номер.

Он замолчал, сжав челюсти так, что скрипнули зубы.

— Мне плевать на нее, Лиса. Клянусь, мне плевать, — его голос дрогнул от сдерживаемой ненависти. — Она вычеркнула нас из своей жизни, она предала отца. Я бы даже с места не сдвинулся. Но...

Лис с силой провел ладонями по лицу. — Но в машине был мальчик. Мой сводный брат по матери. Ему лет восемь. Он сидел сзади, чудом отделался царапинами и шоком. Врач сказала, что он сейчас сидит в коридоре больницы, абсолютно один, напуганный до смерти. И если в течение пары часов за ним не приедет никто из родных, они обязаны передать его под опеку государству. Родители живы, так что усыновить его никто не может, но пацана просто заберут в социальный приют к чужим людям.

Елисей вскочил на ноги, нервно пройдясь по комнате, словно загнанный зверь. — Я ненавижу её, Есения! — резко

бросил он, упиравшись руками в каминную полку и глядя на огонь. — Ненавижу за то, что она втягивает меня в это! Это не мой ребенок, не моя семья! Какого черта я должен разгребать её жизнь и спасать её сына?! Пусть им занимаются социальные службы!

Я смотрела на его напряженную спину и понимала: он лжет самому себе. Да, он ненавидел мать. Но Лис был выкован из другого металла. Он — тот самый парень, который встал между мной и бандитами, который никогда не мог пройти мимо чужой беды. Оставить восьмилетнего, на смерть перепуганного мальчишку одного в холодных коридорах больницы, зная, что его сейчас увезут в казенный приют? Елисей никогда себе этого не простит. Он сожрет себя заживо.

Я молча встала с кровати. Подошла к брошенной на кресло одежде, сняла с себя изумрудное кружево, аккуратно сложив его в сумку, и быстро натянула джинсы и теплый свитер.

Лис обернулся на шорох. В его глазах мелькнула острая, болезненная вина. — Лиса... прости меня. Я всё испортил. Твой первый раз, этот вечер... всё к чертям.

Я подошла к нему вплотную. Взяла с кресла его футболку и молча вложила ему в руки. — Одевайся, Елисей, — твердо, без тени сожаления сказала я, глядя прямо в его растерянные глаза. — Есения, я... — Одевайся, — повторила я, положив ладони ему на щеки, заставляя смотреть на меня. — Озеро никуда не денется. Мое белье тоже. А вот восьми-

летний пацан сейчас сидит в больнице и плачет от страха, не понимая, живы ли его родители.

— Он мне никто, — упрямо, но уже с надломом прошептал Лис. — Он — ребенок. И ты не бросишь его, потому что ты не она. Ты — Елисей. Ты защищаешь слабых. И именно за это я тебя люблю.

Слово вырвалось само собой. Просто, легко и абсолютно искренне. Лис замер, словно оглушенный. А затем резко притянул меня к себе, зарываясь лицом в мои волосы и крепко, до хруста в ребрах, сжимая в объятиях. Я чувствовала, как бешено колотится его сердце, как отступает его внутренняя борьба.

— Поехали, Лиса, — хрипло выдохнул он. — Поехали забирать моего брата.

Глава 21. Мальчик из коридора

ЕЛИСЕЙ

Дорога до Барнаула казалась бесконечной. Я давил на газ, чувствуя, как под ребрами нарастает глухое, липкое раздражение. Не на мать — на неё мне давно было плевать, ее образ стерся из памяти еще двенадцать лет назад, когда она собрала чемоданы. Меня бесило само ощущение ловушки. Жизнь только начала налаживаться: мы с Лисой, наконец, перестали притворяться «просто соседями», бандиты утихли, впереди маячил спокойный вечер на озере... И тут на тебе — чей-то чужой звонок, авария, реанимация и восьмилетний пацан, висящий мертвым грузом на моих плечах.

Краевая больница встретила нас резким запахом хлорки и мертвенным светом ламп.

В приемном покое дежурная медсестра, узнав мою фамилию, только сочувственно покачала головой: — Взрослые в тяжелом, в реанимации. А мальчик вон там. Ждите.

Я прошел в конец гулкого коридора. На жесткой дерматиновой кушетке сидел ребенок. Светлые волосы торчали во все стороны, на скуле красовалась зеленая клякса зеленки, а в руках — дешевый синий рюкзак с оторванной лямкой, в который он вцепился так, будто это был его единственный спасательный круг.

Внутри меня всё сжалось. Я вспомнил себя в его возрасте

— брошенного, растерянного, стоящего у окна родительского дома.

Есения тихо толкнула меня в плечо, возвращая в реальность. Я сделал шаг вперед и присел перед пацаном на корточки, чтобы не смотреть на него сверху вниз.

— Привет, — выдавил я из себя подобие спокойного голоса.

Он вздрогнул, вскинув на меня огромные, заплывшие от слез глаза. Чистый, первобытный ужас. — Ты... из детдома? — тоненьким, срывающимся голосом спросил он, вжимаясь спиной в стену. — Тетя врач сказала, что если никто не придет, меня заберут...

Эти слова полоснули по живому. Мать бросила меня, а теперь вот так же бросила его. — Нет, пацан, не из детдома, — я постарался говорить как можно тверже. — Как тебя зовут? — Рома... — Послушай, Рома, — я выдержал паузу, собирая воедино всю свою выдержку. — Никто тебя не заберет. Меня зовут Елисей. Я твой старший брат.

Ромка заморгал, мокрые ресницы дрожали. — Брат? — растерянно переспросил он. — Но я думал, что я самый старший...

Я горько хмыкнул про себя, вспоминая, что у матери после меня родилось еще двое пацанов. — Да нет, вас же двое, — произнес я вслух, а потом хватился, резко нахмурившись: — Стоп. А где второй?

Ромка шмыгнул носом, опустив голову на портфель: —

Тимка? Он у бабушки в деревне остался. Мы к ней заезжали перед поездкой, а потом мама решила Тимку оставить там погостить...

Информация из больничной сводки о «двоих младших» мгновенно обрела плоть и кровь. Значит, здесь только один. А второй сидит где-то в деревне у полуслепой старухи, понятия не имея, что его родители в коме. Внутри меня всё завыло от глухой злости на мать, но я лишь тяжело выдохнул, заставляя себя заглушить этот шторм.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Собирай рюкзак, Рома. Поехали домой.

Я чувствовал спиной взгляд Есении — спокойный, теплый, абсолютную точку опоры во всем этом безумии. Она подошла, улыбнулась пацану, помогла ему встать.

Когда мы вышли на ночной воздух, я накинул на плечи мальчика свою куртку. Он тут же утонул в ней, кутаясь от октябрьского холода.

Усаживая его на заднее сиденье внедорожника, я смотрел на то, как он моментально отключается от усталости и стресса, и четко понимал: легкой эта жизнь теперь не будет. У меня появился не просто один брат. У меня появилась ответственность за двоих пацанов, которых я толком не знал.

Но глядя на Есению, которая тихо обошла машину и взяла меня за руку, я знал точно: мы справимся. Другого выхода у нас просто не было.

Глава 22. Утро нового дня

ЕСЕНИЯ

Мы сидели на кухне ранним утром, когда за окном только начинал сереть холодный октябрьский рассвет. Дом был погружен в зыбкую тишину. Ромка спал на диване в гостиной, уставший, выплакавший за прошлый вечер все слезы и намертво вцепившийся во сне в край того самого пледа.

Я заваривала крепкий кофе в турке, прислушиваясь к тихому потрескиванию газа.

Многие на моем месте, наверное, кусали бы локти и злились. Наш долгожданный вечер в уединенном домике у озера рухнул в одну секунду. Никакого изумрудного шелка, никакой страсти, ни того самого заветного шага, к которому мы так долго шли. Но странное дело — во мне не было ни грамма сожаления или досады. Ни капли.

Я смотрела на свои руки и думала совсем о другом.

Вчерашний вечер не сорвался — он просто проверил нас на прочность. И то, как Елисей не отвернулся, как переступил через собственную боль, через многолетнюю обиду на мать и молча поехал спасать чужого для него ребенка, значило для меня гораздо больше, чем любые слова о любви. Мужчина познается в кризисе. И мой мужчина оказался из стали.

Только вот реальность от этого не становилась проще.

Я разлила кофе по чашкам и тихонько вошла в гостиную. Елисей сидел в кресле-качалке у окна, неподвижно глядя во двор. На столе перед ним валялся его телефон и те самые больничные документы. На щеках проступила темная щетина, под глазами залегли тени — ночь он почти не сомкнул глаз, сторожа сон мальчишки.

Я подошла бесшумно и поставила чашку с горячим кофе перед ним на подлокотник, а сама присела на краешек пуфика рядом, обхватив колени руками.

Лис молча накрыл мою ладонь своей пальцами. Кожа у него была ледяной.

— Не спится? — тихо спросила я, заглядывая ему в глаза. — Как тут уснешь, — так же тихо, хрипло отозвался он. — Голова кругом.

Он потер переносицу свободной рукой. — Ромка спит спокойно. Но утром он проснется, спросит про маму с папой. Что я ему скажу, Лиса? Что они в коме, а мы — чужие, по сути, люди, которые забрали его в незнакомый дом? — Он не чужой, Лис. Он твой брат. И ты для него сейчас единственный якорь, — твердо ответила я, сжимая его пальцы в ответ. — Справимся. Поговорим с ним спокойно, без паники.

Елисей криво усмехнулся, но напряжение в его плечах немного спало. — Ты совсем не злишься, да? — он посмотрел на меня с неожиданной уязвимостью. — Я ведь испортил всё. Наш вечер, ту ночь...

— Перестань, — я покачала головой, чувствуя, как теплая

волна поднимается в груди. — Озеро никуда не убежит. И белье мое тоже. У нас теперь заботы другие, Лис. Нам нужно понять, что делать дальше.

Я кивнула на телефон. — Во-первых, Ромка. А во-вторых... пятилетний Тимка, который сейчас сидит у бабушки в деревне. Мы же не можем оставить его там надолго.

Лис тяжело вздохнул, признавая очевидное. — Не можем. Я уже думал об этом. Сегодня утром, как только здесь всё немного уляжется, придется ехать туда. Забирать второго.

— Я поеду с тобой, — тут же отрезала я. — Вдвоем проще.

Елисей посмотрел на меня долгим, глубоким взглядом, в котором смешались бесконечная благодарность и такое сильное, первобытное чувство, от которого у меня перехватило дыхание. Он наклонился вперед, зарываясь лицом в мои волосы, и шумно выдохнул мне в макушку: — Чтобы я без тебя делал, Лиса...

Из комнаты донесся тихий шорох — Ромка заворочался, просыпаясь.

Мы переглянулись. Сказочный вечер на озере закончился. Начиналась наша новая, взрослая жизнь, полная ответственности, маленьких мальчишек, заброшенных в деревню детей, больничных сводок и нас двоих — настоящих, неразлучных, готовых ко всему.

Глава 23. Недетские вопросы

ЕСЕНИЯ

Ромка проснулся около восьми утра.

Мы с Лисом сидели на кухне, когда из гостиной донесся тихий скрип дивана. Я как раз разливала по тарелкам кашу, а Елисей заваривал свежий чай. Мы переглянулись, и Лис молча направился в комнату. Я последовала за ним следом, прихватив чашку.

Рома сидел на краю дивана, ссутулившись и прижимая к груди колени. Большой отцовский плед сполз на пол, а огромная куртка Лиса, в которую мальчик закутался с вечера, делала его похожим на птенца в чужом гнезде. Следов вчерашней истерики не было — глаза оставались сухими, но взгляд был настороженным, взрослым и непривычно колющим для восьмилетнего ребенка.

Он уже всё понял. Дети в кризисных ситуациях взрослеют пугающе быстро.

Елисей присел на корточки напротив него, не вторгаясь в личное пространство. — Доброе утро, пацан, — спокойно сказал Лис. — Спалось как?

Ромка помолчал пару секунд, изучая его лицо тяжелым, оценивающим взглядом, а потом выдал прямо в лоб: — Мама с папой не проснутся, да? Врачи по телефону вчера говорили громко, думали, я сплю. У них головы разбиты. Они в

больнице надолго.

Елисей тяжело вздохнул, не пытаясь строить фальшивый оптимизм. — Да, Ром. Надолго. Им делают операции, и пока они в отключке. Но за ними присматривают лучшие врачи.

Мальчик шмыгнул носом, уставившись в пол. На секунду в комнате повисла звенящая тишина, полная тяжелого детского горя, с которым он еще не умел справляться. Но пауза длилась недолго. Ромка резко поднял голову, и в его серых глазах вспыхнул такой поток вопросов, что Лис даже слегка отпрянул.

— А ты кто вообще? — выпалил Ромка, скрестив руки на груди. — Почему ты говоришь, что ты мой брат? Мама про тебя никогда не рассказывала. Вообще. Я думал, я у неё самый старший, а потом Тимка родился. А тут появляешься ты. Где ты всё это время был? Почему мы жили в другом городе, а ты здесь? И почему у тебя фамилия другая?

Лис замер. На его скулах заходили желваки. Вопросы пацана били в самые незажившие точки — в те самые двенадцать лет одиночества, обиды и выжженной земли, которую оставила после себя мать.

Я тихонько прислонилась плечом к косяку двери, сдерживая дыхание. Мне было страшно, как Елисей отреагирует на этот допрос.

Но Лис не сорвался. Он выдержал этот прямой, колючий детский взгляд, тяжело выдохнул и ответил честно, без утайки: — Потому что мы с твоей мамой жили совсем другими

жизнями, Ром. Очень давно, когда я был примерно твоего возраста, наши пути разошлись. Она уехала, создала новую семью, родила вас с Тимкой. А я остался здесь, с моим отцом.

Ромка прищурился, анализируя услышанное с неожиданной для его лет сметливостью. — То есть... она тебя бросила? Как нас сейчас бросила?

От этой прямой, безжалостной детской формулировки у меня внутри всё похолодело. Но Елисей лишь горько, криво усмехнулся, опуская взгляд. — Можно и так сказать, пацан. У каждого своя правда. Но сейчас это неважно. Важно то, что вы с Тимкой остались одни. А я — твой старший брат. И бросать вас я не собираюсь.

Ромка замолчал. Он долго смотрел на Лиса, изучая каждую черту его лица, словно сверял детали общего конструктора. Потом опустил плечи, и вся напускная взрослая броня с него слетела, обнажив испуганного восьмилетнего мальчика.

— А Тимка где? — голос Ромки внезапно дрогнул, выдавая истинный страх. — Его же соцзащита не заберет? Он же маленький совсем...

— Тимка в безопасности, — твердо перебил его Елисей, поднимаясь с корточек и кладя тяжелую ладонь мальчику на растрепанную макушку. — Он у бабушки в деревне. И сегодня же мы едем за ним. Заберем твоего Тимку домой.

Ромка шумно сглотнул, смаргивая внезапно подступив-

шие слезы, и тихо, но уже совсем другим тоном пробормотал: — Правда поедем?

— Слово старшего брата, — так же твердо ответил Лис.

Я оттолкнулась от косяка двери и шагнула в комнату, стараясь улыбнуться как можно теплее, чтобы разрядить этот густой воздух. — А теперь, молодой человек, марш умываться, — бодро скомандовала я. — На кухне стынет каша, и нам нужно подкрепиться перед дальней дорогой.

Ромка смущенно шмыгнул носом, и послушно шмыгнул в сторону ванной.

Когда за ним закрылась дверь, Елисей медленно опустился на стул, прикрыв глаза ладонью. Я подошла сзади, обняла его за плечи, прижимаясь щекой к его щетине.

— Ты отлично справился, Лис, — тихо шепнула я. — Мелкий оказался умнее, чем я думал, — хрипло выдохнул он, накрывая мою руку своей. — Ну что... собираемся в дорогу? Забирать второго бойца?

— Собираемся, — кивнула я.

Наша новая, безумная семейная жизнь набирала обороты.

Глава 24. Возвращение отца и тяжелый разговор

ЕСЕНИЯ

Мы только успели закончить с завтраком и составить план поездки за пятилетним Тимкой, как во дворе послышался звук знакомого старого «уазика».

Дядя Витя, отец Елисея, вернулся из своей недельной поездки по краевым делам.

Я мгновенно напряглась. Елисей тоже замер, переглянувшись со мной. Одно дело — разбираться свалившимися на голову проблемами вдвоем, и совсем другое — объяснять отцу, почему в его доме сидит чужой испуганный ребенок, чья мать двенадцать лет назад разрушила их семью. К тому же, за последний год дядя Витя крепко сдал из-за своей давней пагубной страсти к азартным играм, из-за которой дом уже висел на волоске от долгов.

Дверь распахнулась, впуская в прихожую запах бензина, табака и осеннего холода.

Дядя Витя стянул с седой головы потрепанную кепку, бросил ключи на тумбочку и уже открыл рот, чтобы что-то прокричать с порога, но замер. Из гостиной выглянул Ромка. Восьмилетний мальчишка испуганно прижался плечом к косяку, переводя взгляд с незнакомого седого мужчины на Ли-

са.

Дядя Коля опешил. Он медленно перевел тяжелый, удивленный взгляд на сына. — Елисей... это еще что за гость? И что тут вообще происходит?

Мы с Лисом вышли в прихожую. Елисей глубоко вдохнул, собираясь с силами, и коротко бросил: — Отец, раздевайся. Пройди на кухню. Нам нужно серьезно поговорить.

Через десять минут на кухне стояла звенящая тишина. Ромку мы усадили за стол, налив ему еще чаю с печеньем, а сами сели напротив.

Елисей рассказывал жестко, без утайки и лишних эмоций. Он выложил всё: авария на трассе, реанимация, звонок из больницы, и то, что мальчишка, сидящий перед ними — сводный брат Лиса по матери, брошенный на произвол судьбы. Про второго, пятилетнего Тимку, который сейчас ждал их в деревне у бабушки, Лис тоже умолчал ровно до того момента, пока отец не переварил первую новость.

Дядя Коля слушал молча. Его лицо, исчерченное глубокими морщинами, с каждой минутой становилось всё темнее. Он смотрел то на бледного Ромку, то на напряженную спину сына.

Когда Елисей закончил, в комнате повисла тяжелая пауза. Дядя Коля тяжело вздохнул, провел мозолистой ладонью по лицу, достал пачку сигарет, но, бросив взгляд на испуганного пацана, тут же убрал ее обратно. Он молча поднялся, подошел к холодильнику, достал кружку, налил себе воды и

только после этого заговорил. Голос его звучал неожиданно тихо и хрипло.

— Значит, та женщина... — дядя Витя криво усмехнулся, но в этой усмешке не было злости, только горькая усталость двенадцатилетней давности. — Судьба её всё-таки догнала.

Он повернулся к Ромке. Мальчишка сжался, ожидая худшего. Но дядя Витя неожиданно мягко, насколько позволял его суровый нрав, кивнул ему: — Не бойся, пацан. Никто тебя в обиду не даст. Дом большой, места всем хватит.

Ромка с облегчением шмыгнул носом.

Елисей опешил. Он явно ждал бури, криков или упреков, но отец отреагировал на удивление зрело. — Отец, я не собираюсь вешать их на тебя, — жестко начал Лис. — Я заберу обоих — и Ромку, и Тимку, который сейчас в деревне. Мы с Лисой поедем забирать младшего, а потом...

— Погоди, — перебил его дядя Витя, подняв руку. Он внимательно посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на сына, заметив, как наши руки переплетены на столе.

— Вы с Есенией... вы теперь вместе? — прямо спросил он. Мы с Лисом переглянулись. — Вместе, — твердо ответил Елисей, притягивая меня чуть ближе к себе. — И мы собираемся жить здесь. Я буду поднимать пацанов.

Дядя Витя долго молчал. Он смотрел на нас двоих — на своего сына, который в один день превратился из одинокого парня в главу семейства, и на меня, готовую идти с ним до конца.

А потом старик неожиданно для всех тяжело поднялся из-за стола, подошел к окну и долго смотрел на заброшенный сад во дворе.

— Знаете, что, дети мои... — тихо произнес он, не оборачиваясь. — Я тут подумал. Хватит с меня этой жизни. Дом этот старый... я ведь из-за своих долгов чуть вас всех не погубил. Играл, дурак старый, пытался что-то вернуть, а только проигрывал. Стыдно мне перед вами.

Он резко обернулся, и в его глазах блеснул решительный, трезвый блеск, которого я у него не видела уже много лет.

— Дом этот я переписываю на тебя, Елисей, — сказал отец твердо. — Полностью. Без всяких условий. А сам я собираю вещи. Уеду, к брату в поселок, на лесозаготовки. Начну жить заново, без этой дряни и карт. Закрою старые долги своими силами, а вы здесь хозяйничайте. Пацанам нужен нормальный дом, а не старый игрок под крышей.

Елисей вскочил со стула, потрясенный таким поворотом. — Отец, ты чего... куда ты на старости лет? — Туда, где я не буду портить вам жизнь, — обрезал дядя Витя, но в уголках его глаз дрогнули лучиками морщины. — Всё, решено. А теперь собирайтесь за вторым пацаном, пока он там у бабки с ума не сошел от неизвестности.

Мы стояли оглушенные. За один день наша жизнь перевернулась с ног на голову окончательно: у нас появились два брата, дом полностью переходил к Лису, а его отец решил порвать с прошлым.

Оставался еще один важный шаг — официально объявить моим родителям, что мы с Елисеем больше не соседи, а пара. Но это, как оказалось, было самым легким испытанием на фоне всего остального.

Глава 25. Переменчивый ветер

ЕСЕНИЯ

События развивались с оглушительной скоростью. Пока дядя Витя молча собирал свои нехитрые пожитки в старый дорожный баул, мы с Лисом и Ромкой готовились к поездке в деревню за пятилетним Тимкой.

Но прежде, чем уехать, нужно было поставить точку в еще одном вопросе.

Я затащила Елисея на нашу половину дома, к моим родителям. Мама как раз возилась у плиты, а папа читал газету за столом. Они оба перевели на нас удивленные взгляды, когда мы вошли — я за руку с Лисом, решительно и прямо.

— Мам, пап, присядьте, пожалуйста, — начала я, чувствуя, как ладони слегка вспотели от волнения. Хотя чего мне было бояться? Они знали Лиса с пеленок. — Что-то случилось? — тут же насторожилась мама, вытирая руки о полотенце. — Опять у вас там с металлом или бандитами проблемы?

— Нет, слава богу, всё закончилось, — мягко прервал ее Елисей. Он шагнул вперед, уверенно переплетая свои пальцы с моими на глазах у родителей. — Мы пришли сказать другое. Мы с Лисой теперь вместе. Не как соседи и друзья, а как пара.

Папа медленно опустил газету на стол, внимательно по-

смотрел на нас, перевел взгляд на наши соединенные руки... и губы у него под усами расплылись в довольной, широкой улыбке. — Ну наконец-то! — басом пророкотал он, хлопнув ладонью по столу. — Слава богу, додумались! Я уж думал, вы до пенсии будете в «друзей» играть.

Мама ахнула, всплеснула руками, но тут же расплылась в умиленной улыбке и бросилась нас обнимать. — Ой, мои хорошие... Давно пора! Елисей, сынок, я так рада!

С плеч словно упал огромный камень. Никаких допросов, никакого сопротивления — только искренняя теплота и поддержка со стороны родителей.

Правда, когда мы вкратце рассказали им про ночную аварию, реанимацию и то, что Елисей теперь забирает к себе обоих младших братьев, мама чуть не лишилась дар речи, а папа только присвистнул: — Ничего себе у вас выдался вечерок... Ну что, Лис, теперь ты у нас настоящий глава семьи. Справишься?

— Справлюсь, дядя Борь, — твердо ответил Елисей.

Дорога до деревни, где жила бабушка со стороны отчима, заняла больше двух часов. На этот раз на заднем сидении внедорожника ехал оживший Ромка — он уже не так боялся, хотя глаза всё ещё были полны тревоги за родителей.

Деревня встретила нас заброшенными уличными колодцами, лаем собак и густой желтой листвой, засыпавшей палисадники. Дом бабушки выглядел крепким, но сильно уставшим от времени.

Когда мы постучали, дверь открыла сухопарая бабушка в выцветшем платке. Увидев нас на пороге и услышав сбивчивый рассказ о страшной аварии на трассе, она только всплеснула руками и опустилась на табуретку в прихожей, тихо причитая.

Тимка нашелся в дальней комнате. Пятилетний мальчуган сидел на ковре и увлеченно катал машинку, совершенно не подозревая, какой шторм обрушился на их семью.

Когда Ромка влетел в комнату и бросился к брату, Тимка радостно завопил: — Ромка! А вы где были? А мама скоро приедет?

От этого наивного детского вопроса у меня внутри снова всё обожгло горечью. Но Елисей взял себя в руки быстрее всех. Он подошел к маленькому Тимке, присел на корточки и мягко взял его за плечи.

— Привет, Тим, — сказал Лис. — Мама с папой пока заняты в больнице. А мы с Ромкой приехали за тобой. Поедем к нам домой?

Тимка испуганно захлопал глазами, переводя взгляд с незнакомого дяди на брата. Но Ромка тут же пришел на помощь: — Поехали, Тимка! Дядя Елисей... то есть, Елисей — наш старший брат. Он крутой, у него большая машина и там очень классно!

Детская наивность — удивительная вещь. Тимка быстро успокоился, услышав уверенный голос старшего брата. Мы быстро собрали его нехитрые вещи в небольшой рюк-

зачок, попрощались с потрясенной бабушкой, которая осталась ждать новостей из больницы, и загрузились обратно в машину.

Теперь на заднем сиденье сидели двое. Ромка и Тимка.

Мы ехали обратно в Барнаул. За окном проносились золотые пейзажи алтайской осени, впереди нас ждал опустевший, но готовый к новой жизни дом дяди Вити, ответственность за двоих мальчишек и наше общее будущее, которое началось так резко и неожиданно.

Елисей вел машину одной рукой, а вторую крепко держал на моей ладони. Мы оба молчали, но я знала: мы справимся. Теперь мы были по-настоящему вместе.

Глава 26. Огненный шторм и школьный портфель

ЕЛИСЕЙ

Когда мы вкатили во двор на внедорожнике, нас уже ждали.

Отец закончил сборы — его старый баул стоял у калитки, а сам он сидел на крыльце, куря последнюю сигарету перед долгой дорогой. Навстречу нам со своей половины дома вышли родители Есении. Мама, тетя Света, остановилась на крыльце, а папа, дядя Боря, сделал несколько шагов навстречу машине, с интересом разглядывая пацанов.

Ромка и Тимка испуганно прижались к сиденью, с недоверием глядя на незнакомых людей. Для них весь этот день был одним сплошным стрессом: чужие больницы, чужие машины, а теперь еще и незнакомые взрослые.

Я заглушил двигатель, вышел и открыл заднюю дверь. — Ну что, бойцы, приехали, — мягко сказал я, протягивая руку младшему. — Вылезайте. Это наши соседи. Не бойтесь.

Тетя Света тут же присела перед Тимкой на корточки, достав из кармана мятную конфету. — Привет, малыш. Я тетя Света. А это дядя Боря, — она кивнула на подошедшего отца Есении. — Пойдешь со мной пить чай с пирожками?

Тимка недоверчиво покосился на меня, но доброжела-

тельный голос тети Светы сделал свое дело — он робко кивнул и взял ее за руку. Дядя Боря тем временем дружелюбно протянул руку Ромке. — Здорово, пацан. Я дядя Боря. Покажешь, как в машинки играешь?

Ромка, напустив на себя взрослый вид, сдержанно пожал ему руку и шмыгнул носом. Лед тронулся. Пацаны были пристроены под надежный присмотр, пока еще с опаской, но уже без паники привыкая к новым лицам.

Я повернулся к отцу он поднялся с крыльца, тяжело вздохнув и закинув баул на плечо.

— Ну что, бать? «Точно решил?» — спросил я, глядя ему в глаза.

Отец горько усмехнулся, но в этой усмешке читалось огромное облегчение. Он протянул мне руку — сухую, мозолистую. — Решил, Елисей. Хватит с меня. Дом теперь твой. Поднимай пацанов, живи по-человечески. А я поеду грехи замаливать к брату.

Мы попрощались быстро, без лишних соприкосновений — не в нашем это было характере. Я помог ему загрузить вещи в машину, и проводил взглядом. Проводив отца, мы с Лисой сразу же переглянулись. Нам нужно было в краевую больницу.

Дорога до стационара заняла минут двадцать. Запах больницы антисептика встретил нас как старый знакомый. Дежурный врач в реанимации вышел к нам уставший, с серыми кругами под глазами.

— Вы родственники Смирновых? — Я сын, — шагнул вперед я. — Как они?

Врач тяжело вздохнул. — Отец мальчиков, Сергей, сегодня утром пришел в себя. Состояние стабильное, угрозы жизни нет, перевели в обычную палату, но до выписки еще далеко — сотрясение тяжелое, ребра поломаны. А вот мать... Елена... пока без изменений. Глубокая кома. Мозг сильно пострадал, мы делаем всё возможное, но прогнозов давать не беремся.

Новость ударила под дых. На секунду в груди защемило — не от любви к матери, а от осознания всего этого жуткого тупика. Сергей жив, но лежащий. Мать — в коме. И вся эта конструкция рухнула прямо нам на головы.

Мы вышли из больницы молча. Сели в машину, но ехать домой сразу не хотелось.

— Лис, что делать будем? — тихо спросила Лиса, положив руку мне на колено. — Завтра понедельник. Нам с тобой обоим нужно на работу. Ромке нужно в школу — портфель, форма, учебники. А Тимке — в садик. Плюс тебе придется оформлять временную опеку, бегать по инстанциям, чтобы пацанов не дергали социальные службы.

Я сжал руль так, что побелели костяшки. За один уик-энд моя холостяцкая жизнь превратилась в хаос из двух чужих детей, больниц, бумаг и внезапно свалившейся ответственности. Но глядя на Лису, которая сидела рядом и была готова разделить со мной этот груз до последней крошки, я по-

чувствовал странное, звенящее спокойствие.

— Справимся, — выдохнул я. — Завтра с утра я еду в опеку и школу, оформляю всё по закону. Заедем в магазин, купим пацанам всё нужное — от тетрадей до кроссовок. А ты поезжай на свою смену, я подстрахую.

Весь следующий день пролетел как в бреду. Я мотался по кабинетам чиновников, писал заявления, собирал справки, параллельно выгребая в детском мире рюкзаки, пеналы и машинки для Тимки. Лиса отработала смену и мчалась домой к пацанам, которые уже вовсю осваивали её двор вместе с тетей Светой и дядей Борей.

К вечеру понедельника мы все наконец собрались за большим деревянным столом на нашей кухне.

Шум стоял невероятный. Тимка уплетал за обе щеки пи-рожки тети Светы, Ромка увлеченно рассказывал дяде Боре про школьный двор, а Лиса разливала чай, улыбаясь так искренне и тепло, что у меня внутри всё замирало.

После ужина, когда малышню кое-как уложили спать, а старшего Ромку уговорили дочитать книжку в гостиной, мы все — мы с Лисой, тетя Света, дядя Боря и я — сели за тот же стол просто передохнуть.

— Ну что, глава семейства, как прошел первый рабочий день в новом статусе? — подмигнул мне дядя Боря, наливая чай.

Я устало откинулся на спинку стула, чувствуя, как приятное тепло от разбитого дня разливается по телу, обнял Лису

за плечи и притянул к себе. — Жарко, дядя Борь, — улыбнулся я, глядя в любимые глаза. — Но мы выжили.

И вечер покатился дальше — в тихих разговорах, шутках и ощущении того, что теперь этот дом действительно стал нашим общим надежным причалом.

Глава 27. Тихий вечер и семейные баталии

ЕЛИСЕЙ

Следующие дни слились в один непрерывный марафон. Оформление временной опеки оказалось тем еще квестом: очереди, справки, выписки, беседы с инспекторами, которые смотрели на меня с легким подозрением. Но стоило мне предъявить паспорт, документы на дом и справку с работы, а главное — заручиться поддержкой тети Светы и дяди Бори, как лед тронулся. Бюрократическая машина скрипела, но двигалась.

Младший Тимка к концу недели уже вовсю освоил местный садик, возвращаясь оттуда с пластилиновыми поделками и горящими глазами. Ромка пошел в школу — сначала насупленный, сжавшийся в комочек от необходимости вливаться в новый коллектив, но уже на второй день принес «пятерку» по математике и гордо заявил, что заступился за девочку в столовой.

Мы с Лисой крутились как белки в колесе. Я совмещал свои подработки на СТО с бумажной волокитой и заботой о пацанах, а Лиса успевала и на своей работе, и дома, помогая малышне с уроками и делясь с тетей Светой секретами воспитания.

И вот в пятницу вечером у нас наконец-то выдался редкий час абсолютного затишья.

Дети уже спали. Тимка сопел на своей кровати, раскинув руки в стороны, а Ромка до упора сидел над какой-то машинкой-конструктором, которую мы собрали накануне. Мы с Лисой, тетей Светой и дядей Борей сидели в гостиной за большим столом. На плитке закипал чайник, а в центре комнаты на ковре красовалась коробка с настольной игрой «Монополия», которую Ромка утащил из детского мира и заставил нас всех сыграть перед сном.

— Так, я не понял, почему у меня опять все деньги ушли на налоги?! — возмущенно воскликнул дядя Боря, бросая кубики и с подозрением глядя на тетю Свету. — Ты что, сговорилась с банком, Свет?

Тетя Света рассмеялась, сгребая стопку картонных купюр: — Нечего было строить отели на чужой улице, Боря! Бизнес требует расчетливости, а не широкой русской души. Мы с Лисой переглянулись и синхронно закатили глаза, улыбаясь. Лиса сидела рядом со мной на диване, уютно пристроив голову у меня на плече, а ее пальцы свободной руки лениво перебирали пуговицы на моей рубашке.

— Ну что, финансисты, кто побеждает? — тихо спросил я, целуя Лису в макушку.

— Судя по тому, что папа сейчас заложит последний завод, банк скоро перейдет в наши руки, — шепотом ответила она, лукаво прищурившись.

В комнате было тепло от работающей печки, пахло свежесваренным чаем с чабрецом и домашним уютом. Еще неделю назад моя жизнь казалась мне одинокой крепостью, где не было места ничему, кроме работы, старых обид и машин. А теперь... теперь здесь шумели два мальчишки, смеялись родители Лисы, а сама она сидела рядом, теплая, родная и до безумия любимая.

Шторм, который ворвался в нашу жизнь в тот самый вечер на озере, не разрушил нас. Он нас пересобрал. Сделал другими.

Дядя Боря громко объявил о своем банкротстве под всеобщий хохот, тетя Света разлила чай по чашкам, а Лиса крепче сжала мою ладонь под столом. Жизнь продолжалась. И впервые за много лет эта мысль не вызывала во мне никакого страха.

Глава 28. «Оконченный» вечер

ЕЛИСЕЙ

Когда партия в «Монополию» закончилась полным банкротством дяди Бори, часы на стене показывали уже ближе к полуночи. Тетя Света сладко зевнула, собирая картонные карточки, а дядя Боря шутливо погрозил мне кулаком за мои «грабительские» отели на улице Ленина.

— Ладно, молодежь, мы спать, — потягиваясь, произнес дядя Боря. — Ромку с утра в школу поднимать, а Тимка на-верняка в садике всех на уши поднимет.

Родители Есении ушли к себе на половину дома, оставив нас в долгожданной тишине. Мы с Лисой быстро проверили пацанов. Комната мальчишек находилась в самом дальнем конце дома — они спали крепким, уставшим сном, раскинувшись на кроватях и посапывая носом.

Наша же комната располагалась в самом начале дома, у входа, за надежной деревянной дверью. Здесь нас никто не мог услышать.

Есения заперла дверь на защелку, и в этот момент воздух в комнате словно сгустился. Мы не успели сделать и шага навстречу друг другу, как страсть накрыла нас резко, мощно, поднимаясь из ниоткуда волной дикого, неукротимого желания. Бороться с ним не было никаких сил — да мы и не хотели. Тот самый прерванный вечер в домике у озера, все эти

дни напряжения, забот, больниц и свалившихся на нас детей словно сорвали с нас все тормоза.

Я шагнул к ней первым, впечатывая в закрытую дверь спальни, и впился в ее губы жадным, требовательным поцелуем. Есения ответила с такой же безумной жаждой, ее пальцы впились в мои плечи, царапая кожу через ткань рубашки.

Мы не раздевались — мы срывали друг с друга одежду. Я подхватил ее на руки, и Лиса обвила мой торс ногами, притираясь ко мне так тесно, что, между нами, не осталось воздуха. Новая широкая двуспальная кровать, о которой мы так мечтали, ждала нас, но дойти до нее спокойно мы уже не могли.

Я повалил ее на мягкое покрывало, нависая сверху, и жадно заскользил губами по ее шее, спускаясь ниже к вырезу домашней майки. Лиса выгнулась навстречу моему телу, тяжело и прерывисто дыша. Я грубо, но нетерпеливо стянул с нее ткань, обнажая грудь, и тут же взял в рот один сосок, одновременно с силой зажав второй между пальцами и чуть щипнув его. Есения судорожно выдохнула, вплетая пальцы в мои волосы, а другой рукой я уже скользнул под тонкую ткань ее трусиков, находя горячую, влажную плоть. Мой палец уверенно и властно наглаживал ее набухший, напряженный клитор, заставляя Лису извиваться подо мной в бешеных судорогах. Возбуждение достигло точки кипения. Земля уходила из-под ног.

Есения вдруг отстранилась на секунду, тяжело дыша, но в

ее глазах горел дикий, хищный огонь. — Стоп, — прошептала она хрипло.

Одним резким движением она собрала свои рассыпанные волосы в тугой, высокий хвост, открывая шею. Затем ее руки скользнули вниз — к моим домашним брюкам и боксерам. Одним рывком она избавила меня от одежды, освобождая мой тяжелый, пульсирующий, до боли стоячий член. Она толкнула меня на спину, заставляя рухнуть на середину кровати, и нависла сверху, окинув взглядом мое тело.

— А может, попробуем что-то новенькое? — с дьявольской улыбкой прошептала она. Не дожидаясь моего ответа, Лиса развернулась, поворачиваясь ко мне своей горячей, безумно желанной киской, и тут же опустила лицо к моему паху, забирая член глубоко в рот, обжигая его горячим языком.

От этого контраста — ее влажного рта на мне и моего пальца, скользнувшего по ее клитору, — у меня в глазах потемнело. Я не выдержал и начал усердно, ритмично лизать ее киску, одновременно помогая себе пальцами, по чуть-чуть, миллиметр за миллиметром разминая ее сверхтугую, готовящуюся принять меня плоть.

Комната заполнилась нашими стонами, влажными звуками и запахом чистого, необузданного секса. Мы неслись к обрыву на полной скорости, и на самом пике этого безумия, когда реальность вокруг перестала существовать, мы кончили в раз.

После мы еще долго лежали в тишине, прижимаясь друг к другу и слушая, как ровно бьются наши сердца. Наконец, поднимаясь с постели, я первым отправился в душ, чтобы смыть усталость прошедшего дня. Когда я вернулся, освежающий прохладный воздух ненадолго вернул бодрость, но стоило мне коснуться подушки, как тяжелый сон мгновенно сморил меня.

ЕСЕНИЯ

Я вернулась из ванной комнаты спустя несколько минут и тихо замерла у кровати. Лис уже спал крепким, глубоким сном — сказывалась безумная усталость последних суток, когда приходилось разрываться между работой, инстанциями, опекой и детьми.

Я мягко прилегла рядом, укрываясь одеялом. В тишине ночи мысли сами собой вернулись к завтрашнему дню. У мальчишек был выходной от школы и садика, поэтому они останутся дома, а у нас с Елисеем намечался редкий перерыв от работы. В голове промелькнул план: обязательно нужно будет всем вместе собраться, съездить в больницу, навестить Сергея и узнать последние новости о состоянии матери Елисея. С этими мыслями, чувствуя надежное тепло и дыхание Лиса рядом, я тоже провалилась в сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.